

Степан Панчишный Перед началом

*Памяти 36-й кавалерийской дивизии,
погибшей в первые часы войны*

1 сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу. Сталин схитрил, сослался на невозможность подтянуть к границе войска в короткий срок. Красная Армия перешла польскую границу на две недели позже. Мировое общественное мнение обвинило Гитлера в развязывании Второй мировой войны, а Сталин остался как бы в стороне.

Красная Армия, не встретив должного сопротивления, заняла значительную территорию, которой дали названия Западной Белоруссии и Западной Украины. Сталин мотивировал это необходимостью воссоединения белорусского и украинского народов, попавших под гнет Польши, с братскими народами Белоруссии и Украины, представил произошедшее не как захват, а как освобождение.

Легкий успех побудил Сталина присоединить к СССР некогда принадлежавшую России территорию Карельского перешейка, отошедшую Финляндии. Добровольно финны не хотели обменять этот курортный район на предлагаемые им болота Карелии, и 30 ноября 1939 года началась Финская кампания, выявившая неспособность Красной Армии вести современную войну. Требовалось срочно принимать самые решительные меры по перевооружению и усовершенствованию вооруженных сил. Нарком обороны маршал Ворошилов не был достаточно требователен и жесток, в руководстве пользовался методами Гражданской войны.

Ворошилова сменил Тимошенко. Он ввел новые уставы. В Дисциплинарном уставе появилась статья 19, которая требовала от командиров добиваться выполнения приказаний всеми средствами, вплоть до применения силы и оружия.

Изменился призывной возраст. Раньше брали в армию мужчин с двадцати одного года, а теперь имеющих среднее образование - с восемнадцати лет, а остальных - с девятнадцати...

1

Я родился на Кубани, в станице Динской. В детские и отроческие годы жил в Нальчике, а затем меня забрал в Ленинград брат отца, дядя Володя. В Ленинграде я закончил десятилетку.

Дядя снимал дачу в Александровке, близ г. Пушкина. Там я готовился к выпускным экзаменам. В соседнем доме жила красавица Наташа, студентка Института иностранных языков. К ней приходили кавалеры, курсанты военно-морского училища, brave парни в отутюженных клешах и форменках, в бескозырках с полосатыми ленточками. Мне хотелось быть таким же braveм и щеголеватым.

Я подал заявление в военкомат с просьбой направить меня в Военно-морское училище им. Фрунзе, одно из самых престижных училищ того времени. Конкурс был огромный. Свирепствовала медицинская комиссия, производя значительный отсев. Ее я миновал благополучно, здоровье было отменное, но не решил задачку по физике. Пришлось вернуться в военкомат, который отправил меня в 36-ю кавалерийскую дивизию (КД). В команде было 13 призывников, имевших оборонный значок "Ворошиловский всадник". Этот значок сыграл плачевную роль в моей последующей службе.

Штаб дивизии находился в г. Волковыске. Нас поместили на карантин в пустующем доме лесника, где не было никакой мебели. Спали на полу, на соломе, без простыней, подушек и одеял. Три раза в день нам привозили пищу в термосах. Давали миски, а ложку надо было иметь свою. Об этом в военкомате не предупредили, и ложек у нас не было.

Нехитрый инструмент ложка, а попробуй без нее съесть щи и кашу. В детстве меня знакомый старик научил резать деревянные ложки, но для этого требовался специальный инструмент. Кое-как перочинным ножом я выстрогал себе приспособление, которым можно было есть. Зяма Натансон попросил сделать ему такое же. Я сделал, и мы подружились.

К нам приходил политрук, рассказывал о славном боевом пути нашей дивизии. Во время Гражданской войны она входила в Первую конную армию Буденного, а затем в состав Московского гарнизона. Нам показали кинохронику с участием дивизии в военном параде на Красной площади. Впереди генерал на холемом скакуне, за ним знаменосец с развернутым знаменем, затем, эскадрон за эскадронами, brave кавалеристы на сытых и ухоженных конях. Лихо на рысях промчались пулеметные тачанки. Могучие битюги и попарно шестерками везли полковые пушки, грозно зиявшие огромными жерлами. Завершали парад быстроходные танки.

Танки мне очень понравились, и я решил написать комдиву письмо с просьбой при распределении нас по частям направить меня в танковый полк. В доме лесника не было стола, не имелось у нас ни чернил, ни ручек. Письма домой писали карандашами, на подоконниках. Письмо карандашом комдиву посылать негоже, пришлось повременить.

Карантин кончился, и всю нашу команду отправили во 2-ю конно-артиллерийскую батарею 36-го КнАДа (конно-артиллерийского дивизиона), расквартированную в усадьбе польского помещика, сбежавшего при подходе Красной Армии.

Политрук нам не все рассказал о 36-й КД, пожалуй, сам не все знал. Надо полагать, комдив чем-то не угодил начальству, и дивизию из Москвы отправили к западной границе. 14 сентября 1939 года она перешла польскую границу и, успешно продвигаясь на запад, заняла Западную Белоруссию. Подразделения разместились по помещичьим усадьбам, разбросанным на довольно большом расстоянии друг от друга. При подходе Красной Армии помещики оставляли свои дома и отступали вместе с Войском Польским.

Личный состав батареи разместился в помещичьем доме, скотные дворы и клуны приспособили под конюшни, сеновалы и складские помещения. У батареи было свое подсобное хозяйство: коровы, свиньи, овцы и большой огород.

Усадьба находилась в трех километрах от железнодорожной станции Малая Берестовица, где имелись просторные кирпичные пакгаузы. После завтрака мы седлали коней и отправлялись на станцию разгружать вагоны с прибывающим для КнАДа продовольствием и фуражом. Таскали из вагонов тюки с прессованным сеном, весом по 50 килограммов, мешки с овсом, сахаром, мукой, солью и крупами.

Мимо станции транзитом, по "зеленой улице", шли в Германию товарные составы, груженные лесом, металлом, зерном, тюками с кожей и другим стратегическим сырьем. Усердно выполнялись поставки, оговоренные приложением к пакту Молотова-Риббентропа. О том, что находится в вагонах, рассказывали нам железнодорожники, а мы на политзанятиях спрашивали, зачем отправляют немцам, потенциальным врагам, дефицитное сырье, которого не хватает нашей оборонной промышленности.

В период коллективизации крестьяне резали скот, чтобы не сдавать в колхоз, и поголовье скота резко снизилось. На мясокомбинатах сдирали шкуры свиней, выделяли их для пошива обуви гражданскому населению. Свиная кожа пористая, впитывает влагу и разбухает, практически

непригодна для обуви. Армейская обувь прежде шилась из хромовой кожи, яла или юфти, теперь красноармейцы ходят в ботинках с обмотками, а там, где обмотками никак не обойтись, носят кирзовые сапоги. Как же можно было отправлять врагам то, чего не хватало нам самим?

Политрук все объяснял тонкой военной хитростью мудрого Сталина. Он рассказал, что прошедшим летом немецкая армия за шесть недель разгромила союзные войска Англии, Бельгии, Голландии и Франции. Фашисты оккупировали Бельгию, Голландию и значительную часть Франции, загнали на полуостров Дюнкерк остатки английской армии, обстреливали и бомбили их, не давая переправиться через пролив на Британские острова. Английские солдаты натерпелись страха и понесли значительные потери, однако Англия не заключила мирный договор с фашистами и оставалась в состоянии войны.

О дальнейших событиях до нас доходили слухи, будто немцы форсировали Ла-Манш, но англичане разлили и подожгли нефть, и немцы не смогли высадиться на берег, но не оставили своего намерения захватить Британские острова.

Политрук говорил, что немецкий народ устал от войны. Попытки Гитлера высадить фашистские войска на острова приведут к огромным потерям, усилится недовольство. Немецкий народ восстанет и позовет на помощь Красную Армию. Мы, хоть и в обмотках и кирзовых сапогах, будем воевать с фашизмом на его территории, малой кровью, и легко победим, потому что за нас будет немецкий народ.

Эта доктрина была проиллюстрирована в кинофильме "Если завтра война", созданном, как говорили, по заказу Сталина и под его личным руководством. По сюжету фильма, наши подвижные войска: кавалерия, танки и мотопехота вместе с восставшим народом освободили Германию от фашизма. Фильм пользовался необычайной популярностью. На просмотры приводили школьников, рабочих фабрик и заводов, служащих всех учреждений. Красноармейцы, призывники, пионеры и комсомольцы маршировали с песней из фильма "Если завтра война, если завтра в поход..".

Политрук говорил, что мы только делаем вид, что верим в дружбу с фашистами, и помогаем им вооружаться для победы над англичанами, чтобы они поглубже увязли в войне. Тем временем мы перевооружимся и как следует подготовимся к наступательным боям.

Призыв в армию проводился один раз в год, осенью. Мы попали в дивизию в неурочное время, и нас использовали на хозяйственных работах. Покончили с разгрузкой вагонов, занялись уборкой урожая, а затем его переборкой и закладкой овощей в хранилища.

Рядовые в общевойсковых частях служили два года, а младшие командиры, окончившие полковые школы, - три. Красноармейцы делили себя на новобранцев (салаги, перво годки), стариков (бойцы второго года службы) и дембелей, отслуживших двухлетний срок и готовящихся к увольнению в запас.

Полноценная боевая подготовка начиналась у новобранцев после принятия присяги. До присяги новобранцам не доверяли огнестрельное оружие. Их не назначали в караул, но посылали работать на кухню или дневальными.

Меня назначили в развод. Дежурный по батарее сказал: "Пойдешь в зверинец со "стариком"". "Старик" пояснил: "Дневальным на конюшню".

Кони содержались в двух конюшнях. В одной - верховые, в другой - упряжные битюги-тяжеловесы, перевозившие орудия и зарядные ящики, а также обозные лошади хозввода. Кони стояли в станках, отделенных дощатыми перегородками. В станке у стены кормушка - деревянный ящик, в который кладется сено. Над входом, примерно на высоте двух метров, на полках лежали седла, попоны и переметные сумы. Кони в станках стояли в недоуздах, которые отличаются от уздечек тем, что не имеют трензелей и поводов, и привязывались к станку у кормушки железными цепочками -

чембурами. Станки располагались рядами вдоль стен, посередине между ними был проход. В конце прохода, слева у стены находилась фуражирка - отсек, в котором хранилось сено и мешки с овсом. Электричества в конюшне не было, освещалась она керосиновыми фонарями "летучая мышь".

Вечером мы со "стариком" отправились на конюшню принимать наряд. "Старик" дотошно пересчитал все седла, попоны, уздечки. Одной уздечки не досчитался. Потребовал у сдающих: "Давайте уздечку". Те в ответ: "Сенька, не тяни вольнку. Мы умаялись, на ногах не стоим. Утром будет тебе уздечка".

Уздечки висят в проходе на гвоздях. Дневальные убирают навоз и впопыхах могут сбросить уздечку и увезти ее на свалку. Ночью отыскать ее в куче навоза трудно, проще пробраться в соседнюю конюшню и стащить там уздечку у занятых чистой дневальных.

- Без уздечки не приму, - категорически заявил мой напарник. Он дотошно ковырял в станках и в проходе каждый бугорок, и если тот оказывался притоптанным навозом, требовал убрать. - Маскируете! Кого хотите обмануть? Я вам не салага, хлопчики.

- Будем у тебя принимать, припомним. Ты у нас до утра из конюшни не уйдешь, - пригрозили дневальные.

- Я тут с ними сам разберусь, иди, спи. Я полночи отстою, тебя разбужу на смену, - сказал мне "старик".

Я был рад отдохнуть, за день намаялся, и, кажется, только заснул, а "старик" меня уже разбудил. В конюшне наставлял:

- Ходи по проходу с фонарем и лопатой, слушай, зазвонит конь цепочкой, начнет подниматься, ты не зевай, подставляй лопату, лови навоз, не жди, пока конь его ногами притопчет, притоптанный выгребать труднее. Тачку наполнишь, сразу вывози. Не все кони ложатся, есть такие, что спят стоя. Есть и такие, что вовсе не спят, вредные, норовистые, любят поозоровать. За ними следи особо. Он головой мотает, а цепочка мало-помалу ослабевает и распускается. Конь выходит из станка и озорует. Следи, не допускай выходить в проход. Особенно вредная комбатова Испанка, хитрющая, стерва, ловко отвязывается, выходит в проход, задирает коней.

Испанка - красавица кобылица, холеная, белая в яблоках, с точеными ногами, поджарая, ухоженная. "Старики" рассказывали, будто комбат привез ее из Испании в 1938 году, и стоила она 10 тысяч рублей, тогда как квалифицированный рабочий в месяц зарабатывал 150 - 200 рублей.

- Вот тут и тут прикусочные, хватают зубами и грызут брусок у кормушки, раскачивают его взад-вперед. Это болезнь, заметишь, бей по крупу метлой, кричи: "Не балуй!" Если конь цепочкой звонит, отвязывается, входи в станок, закрепляй чембур. Вот так.

"Старик" подошел к станку, стал сбоку, хлопнул ладонью коня по крупу, крикнул: "Прими!" Конь и ухом не повел. "Старик" хлопнул сильнее и заорал таким лютым магом, что я сам отскочил в сторону. Конь мигом прижался боком к стенке и пропустил "старика" к кормушке.

- Сади к коню не подходи, - наставлял "старик". - Он тебя так лягнет, что в лазарете не отлежишься. Ежели не укараулишь, и кони разбегутся в проход, то с метлой и фонарем полезай на станок, садись в седло и потчуй их метлой. По проходу ходи с фонарем, не зевай. Все, бывай. Я пошел.

Было под утро, в пору, когда особенно хочется спать. Я тогда еще не знал, что утренняя смена самая трудная. "Старик", конечно, схитрил, отдав мне на дневальство эти часы. У меня слипались глаза. Я шел по проходу, шагаясь, изо всех сил боролся с наваливающимся сном. Остановился у фуражирки. Веки слипались. К ночным бдениям я не привык, это была моя первая бессонная ночь. Задремал стоя и вдруг почувствовал боль в левом плече. Открыл глаза, повернулся и увидел белую конскую

морду. Испанка прихватила меня за плечо и насмешливо косила лиловым глазом. Я ладонью шлепнул ее по мягким губам. Она презрительно фыркнула и развернулась. Я нырнул за тюк сена. Удар копыта настиг меня запоздало, не зашиб, а лишь подтолкнул глубже к стене. Я приподнялся и выглянул из-за тюка. Испанка бежала по проходу, совала морду в станки, хватала зубами стоявших там коней. Они взвизгивали, брыкались. Она ловко увертывалась.

Оброненный мною фонарь опрокинулся и погас, к счастью, не натворив пожара. Я подхватил метлу и помчался за кобылицей, загнал ее в станок, но, как ни пытался, не смог войти и привязать. Материться толком я еще не научился, а мягкие увещевания ее не трогали. Тем временем из станков выбирались в проход другие кони. Я загнал в станки двоих - в проходе оказалось трое, затем в дальнем конце появился четвертый. Радуюсь освобождению, он помчался, взбрыкивая, задел меня боком. Я едва не угодил под копыта коня, стоявшего в ближнем станке, и понял, что уже не в состоянии справиться. Снял с гвоздя исправный фонарь, поставил его на полку, подхватил метлу, забрался наверх, сел в седло и, выполняя совет "старика", колотил метлой пробежавших мимо озорников.

Фонари в проходе гасли, в конюшне стало темно. Кони кусались, брыкались, ржали, толкаясь, двигались по проходу туда и обратно. То, что творилось внизу, превосходило шабаш ведьм на Лысой горе.

Я устал махать метлой и положил ее рядом с собой. Неудержимо тянуло ко сну. Я хлопал себя по щекам, делал упражнения руками, сгибался и разгибался, но усталость одолевала, сон сковывал движения, опустившихся век было уже не поднять, голова стала клониться на грудь. Боясь потерять равновесие и упасть под ноги коням, я нагнулся, снял с гвоздя уздечку, отстегнул повод и привязал им себя к стойке станка, и опять из последних сил стал бороться со сном, но сон предательски одолевал.

Наконец протрубили "подъем". Бойцы вскакивали с нар, одевались, строились на перекличку, а затем выбежали во двор на физзарядку. Я окончательно изнемогал, обхватил руками стойку, прижался к ней и оцепенел.

Красноармейцы пришли брать коней на водопой и чистку, распахнули двери. Кони мигом разобрались по своим станкам. Красноармейцы увидели меня сидящим наверху в седле. Раздался дружный хохот.

Прибывали из карантина новобранцы осеннего призыва. Нас распределили по взводам. Меня назначили во взвод управления, в отделение связи, радистом. До армии я интересовался радиоделом, даже смастерил детекторный приемник, но добиться хорошего приема не сумел и понял, что радиотехника - дело весьма сложное, требующее основательных знаний.

Старший сержант, командир отделения, поставил на стол высокий фанерный ящик с ляжками для надевания на спину и пошутил: "Рация шесть ПК - трет бока". В ящике было два отделения. В верхнем - радиопередатчик и приемник, а в нижнем - источник питания. Командир несколько путано объяснил устройство рации и назначение ручек (верньеров).

На следующий день мы оседлали коней, надели на спины две рации и отправились в поле. Там на склонах двух небольших холмов, расположенных примерно в километре друг от друга, были вырыты окопчики для занятий. Мы поставили рации на брустверы, а антенны забросили на деревья. Командир настроил одну рацию, затем поскакал к другой. Он долго вертел верньеры, поправлял и направлял антенны, но выжать из раций что-либо, кроме потрескиваний, не смог. Я еще раз убедился в сложности радиодела, а заодно - в слабом понимании его нашим командиром и в несовершенстве радиостанции 6 ПК.

В последних числах октября меня и моих товарищей по "команде 13" перевели в первую батарею, во исполнение приказа Наркома обороны о "перворотниках". Приказ предписывал новобранцев,

имеющих среднее образование, собирать в первые подразделения войсковых частей, обучать по повышенной программе и увольнять в запас младшими лейтенантами, чтобы в случае войны использовать на должности командиров взводов. Намерение благое, но кто должен был обучать будущих средних командиров по повышенной программе в обычных войсковых подразделениях, где обучением рядовых занимались младшие командиры, которые сами были не шибко грамотны?

Готовили младших командиров полковые школы, куда каждый год батареи, роты и эскадроны направляли несколько новобранцев. По установившейся практике в полковую школу отправляли наименее способных к обучению, не желая маяться с ними в своих подразделениях, - знали, что там неспасаемые и твердокаменные сержанты-учителя вышибут из нерадивых вялость и лень, сделают из них по своему образу и подобию не очень знающих, но достаточно въедливых, придирчивых и требовательных командиров отделений, способных муштровывать новобранцев на учебном плацу и не спускать с них придирчивых глаз в течение всего дня.

Первая батарея тоже размещалась в помещицкой усадьбе, километрах в 15-ти от железной дороги, и примерно на таком же расстоянии от Большой Берестовицы, где находился штаб 36-го КНАДа. Помещик здесь, видимо, был богатый. Барский дом каменный, двухэтажный, с мезонином. Колоны у крыльца подпирали балкон. Над балконной дверью было полукруглое окно. За домом располагался парк и большой пруд, в котором разводили карпов. Перед домом был широкий двор, превращенный в учебный плац для строевых занятий. Справа и слева находились два длинных здания - конюшни, далее стояло еще несколько строений для подсобного хозяйства: коровник, овчарня, свинарник, склад фуража и продовольствия для личного состава, а также одноэтажные дома, в которых прежде жила челядь, а теперь - младшие командиры-сверхсрочники и рядовые хозяйственного отделения. У ворот стоял дом привратника, превращенный в караульное помещение. Снаружи, вдоль дороги, располагалась длинная каменная рига с двумя воротами в боковых стенах. Теперь это был оружейный парк, в нем стояли пушки, охраняемые часовыми круглосуточного трехсменного поста.

На первом этаже барского дома, в его правом крыле, разместились кухня и столовая. В левом - зал с большими окнами, отапливаемый камином. Посередине во всю его длину стояли сколоченные из досок одноэтажные нары. На них в два ряда, голова к голове, спали новобранцы на набитых соломой матрацах под тонкими солдатскими одеялами. Камин пожирал уйму дров, но тепло давал только пока они горели. К середине ночи в зале становилось холодно, бойцы мерзли под тонкими одеялами.

Меня назначили во второй огневой взвод, во второе отделение. Первым в строю стоял Зяма Натансон, за ним москвич Назаров, потом Кузнец-Кузнецкий, дальше - таджик, фамилию которого я не помню, затем Вася Белый, потом я, а за мной Безбородов.

Зяма был рослый мускулистый парень, в Ленинграде он занимался в секции классической борьбы, в нашем оружейном расчете был правильным. Назаров тоже рослый, но худощавый, его призвали после десятилетки. Кузнец-Кузнецкого призвали после первого курса Ленинградского института киноинженеров. Это был балагур, весельчак, неутомимый остро слов и рассказчик анекдотов, мечтавший создать художественную самодеятельность у нас в батарее, в расчете - заряжающий. Таджик - личность примечательная, знатный табунщик, до армии работал на племенном заводе, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Он был единственным орденосцем в нашей батарее, даже у комбата, участника боев в Испании и при освобождении Западной Белоруссии, не было ордена. Потом, после Великой Отечественной войны - орденосцев будет не счесть, а пока орденосец - редкость. В течение трех лет конному заводу удавалось удерживать нашего прославленного таджика от призыва в армию, и теперь ему было уже 24 года. Зрение у него было отличное, поэтому в расчете он был наводчик, а мы с Безбородовым - подносчики снарядов.

Вася Белый в расчете был замковым. Представился так: "Вася Белый из Купьянску". О своем Купьянске он мог рассказывать бесконечно, так, будто это был самый лучший город в мире.

Командир нашего отделения младший сержант Собакин только что окончил полковую школу.

На батарее суета. В штаб дивизиона поступил приказ о демобилизации красноармейцев, отслуживших два года. "Дембели" готовились к отъезду домой и уже чувствовали себя вольными гражданами. Им разрешили отлучаться из казармы. Они уходили в ближайшую деревню и являлись слегка подвыпившими, на большее денег не хватало.

Нас готовили к принятию присяги. Пятого ноября выдали новое обмундирование. "Дембели" при полном построении батареи торжественно передали нам своих коней, карабины и шашки.

В наряд на конюшню здесь, как и во второй батарее, я ходил со "стариком". Он наставлял меня. Я слушал внимательно, но уже кое-что знал и отстоял дневальство, к удивлению "старика", вполне прилично. Он проникся ко мне симпатией, взял надо мной шефство. Учил, как себя вести, посоветовал взять обмундирование на размер больше, чтобы одежда не стесняла движения на занятиях. Сапоги - на два размера побольше, чтобы с наступлением холодов можно было наматывать на ноги по две портянки.

Рассказал "старик", что негласно у рядовых существуют три группировки: служаки, маскировщики и смычки. Смычка рабочих и крестьян была модой двадцатых годов. По аналогии, в армии прожорливые бойцы налаживали смычку с рабочими по кухне и с поваром, если удавалось к нему подобраться. (Повар на батарее личность почитаемая и высокопоставленная.) Служаки проявляли особое усердие в службе. Их было немного, это обособленная привилегированная каста. Маскировщики - ловкачи, пытающиеся увильнуть от трудностей службы. Маскировщик лишь делал вид, что усердствует, а в действительности следовал поговорке: "Робишь, не робишь - кивайся". "Старик" был опытный маскировщик, мог теоретически обосновать важность этого дела:

- Ежели ты в бою как следует не замаскировался, считай - покойник. Враг тебя враз сшибет. В бою важнее всего военная хитрость. Поэтому и в мирное время хитрить приучайся. Командир много от тебя хочет, все так, как он велит, не всегда можно, поэтому научись на показ сделать то, что на виду, а там, где не видно, не старайся. Оно и на гражданке - показуха прежде всего. Умей лицо показать, а зад спрягать. Учись, браток, а пока не научишься, будешь внеочередные наряды хватать.

Седьмого ноября с утра приехали комбат и политрук, а также все взводные командиры. Старшина построил личный состав батареи. Политрук произнес прочувственную речь, поздравил нас с праздником Великой Октябрьской революции. Комбат поматерился, скомандовал: "Смирно! Направо! Шагом марш! С песней!" Старшина крикнул: "Запевай!" Запевала начал: "Артиллеристы, Сталин дал приказ..."

"Старики" согласно топали и дружно пели. Новобранцы путались, теряли ногу, пели вразнобой. Но политрук подбодрил: "Ничего, ребята, не робейте. Первый блин комом. Учитесь прилежно и не пытайтесь сачковать. Закон у нас такой. Не умеешь - научим, не хочешь - заставим! Сейчас вы примете присягу, станете полноправными бойцами и после праздников приступите к регулярному обучению".

Присягу принимали в Ленинской комнате перед портретом Сталина. Потом был праздничный обед с наркомовскими ста граммами водки.

Средние командиры уехали праздновать и пить водку домой. Жили они в шести километрах и в расположении батареи появлялись не каждый день. Чаще других наезжал политрук и проводил с нами политзанятия. Был у него помощник, сверхсрочник. В пеглицах у него, как у старшины, было четыре треугольника. Он с нами занимался каждый день, читал газеты, вдалбливал прописные истины политграмоты.

Иногда на занятиях появлялся старшина и задавал свой любимый вопрос: "Что и как есть Советский Союз?" Ответ был четкий, сформулированный им самим: "Советский Союз как есть кругом в капиталистическом окружении".

Главным в политзанятиях, проводимых политруком и его заместителем, было восхваление и прославление отца народов Сталина, гениального вождя мирового пролетариата, зоркого кормчего, умело ведущего корабль первого в мире пролетарского государства к светлому коммунистическому будущему. Нам настойчиво вдалбливали веру во всемогущество, мудрость и непогрешимость Сталина, и мы верили в него. С политподготовкой у нас был полный порядок, а вот с другими занятиями дело шло не блестяще.

Оказалось, что мы ничего не умеем - ни ходить, ни стоять, ни поворачиваться. Не говоря уже о занятиях на турнике, брусьях и на спортивном коне

(в просторечье "кобыле"), через который надо было прыгать по нескольку раз

в день, на утренней зарядке, перед физподготовкой и после нее, перед всеми другими занятиями, проводимыми во дворе.

Сапоги мои, на два размера больше, стали помехой и на строевых занятиях, и на спортивных. При упражнениях на турнике они цеплялись носками и шпорами за перекладину. Надетые на одну портянку, неплотно сидели на ноге, болтались и затрудняли движения.

В школе уроки физкультуры проводились в спортзале. Занимались мы в майках, трусах и тапочках. Там я выполнял все упражнения, предусмотренные программой. Здесь, в армии, многое не получалось. Одежда сковывала движения, но больше всего сковывали и ослабляли грубые, издевательские окрики младших командиров.

В старших классах средней школы преподавали военное дело. Учил нас уволенный в запас командир роты. Неглупый и доброжелательный, он отрабатывал с нами повороты направо, налево и кругом. Мы сдвигали ряды, маршировали строем, ползали по-пластунски, преодолевали полосу препятствий, учились штыковому бою и успевали вполне. Семнадцатилетние парни проходили допризывную подготовку при военкоматах, а маршировать привыкли с детства, с пионерских отрядов. Здесь же нам внушили, что мы ничего не знаем и ничего не умеем. Оглушала придиричивость и неприязнь. Язык у командиров - командно-матерный. Комбат матерился стихами, чем и прославился на весь артдивизион. Призванным из деревень парням, с детства привыкшим к матерщине, нравилась стихотворная брань. Они гордились комбатом.

"Дембели", пошумев несколько дней, в первых числах ноября разъехались по домам. Уехал в отпуск и старшина. Ему понравился мой новый фибровый чемодан, и он отобрал его у меня, отдав взамен свой ломаный фанерный. Меня сильно покорибила его бесцеремонность. Многие меня удивляли. В школьные годы нам прививали уважение к нашей народной Красной Армии. Газеты и журналы хвалебно освещали подвиги ее командиров и бойцов. Я полагал, что армия - это место, где воспитываются и культивируются лучшие мужские качества. Теперь меня и моих ленинградских товарищей обескураживали и угнетали грубость и невежество командиров, их презрительное отношение к нам.

Не любили новобранцев и кони. Лягали, кусали, сбрасывали с седла. Коня закрепляли за красноармейцем на весь срок службы. Конь привыкал к бойцу, считал его своим хозяином. Красноармеец усваивал характер и повадки своего коня, принаравливался к нему, ухаживал, чистил, кормил его и поил. Новобранец был для коня непривычным, неумелым чужаком. Конь, послуживший несколько лет, понимал и четко выполнял команды, а новобранец в них путался. Конь презирал новобранца, не сразу привыкал к новому хозяину, не принимал его.

Детство мое проходило в кубанской станице. Отец моего приятеля был пожарным. В летние каникулы мы частенько наведывались в пожарную конюшню. Нам разрешали ездить верхом без седла, купать в реке коней. Ездить на коне без седла труднее. У меня с детства накапливался пусть небольшой, но все же навык верховой езды. Приходилось и в седле ездить из станицы в станицу. Затем занимался в конноспортивной секции и сдавал нормы на значок "Ворошиловский всадник". Поэтому на занятиях по конной подготовке мне было немного легче, чем другим.

Начиналось обучение с посадки: "Сесть! Спешиться! Сесть! Спешиться!" Затем надо было сесть в седло без стремени. Берешься руками за луку и прыжком садишься в седло. Это трудней. Затем вольтижировка, повороты. Вольт налево, вольт направо. На каждом последующем занятии упражнения усложнялись.

Строевые занятия проводил командир отделения под наблюдением помкомвзвода, и тут оказалось, что мы ничего не умеем. Младший сержант Собакин неустанно повторял: "Не умеешь - научим! Не хочешь - заставим!"

"Старик", мой добровольный наставник, рассказывал:

- Прошлый год мы с Собакиным на батарею вместе пришли, в одном отделении были. Командир усек, что Собакин дубарь, и в полковушку его сбагрил. Там с него шкуру драли, будь здоров! Тамошние сержанты мастаки, из бревна отделенного командира сделают. Вернулся Собакин с "секедем" в петлице и прикопался ко мне: "Почему командира не приветствуешь?" А я ему: "Да пошел ты! Плохо учился, если своих прав не знаешь. Ты не моего отделения командир и нарядов вне очереди давать мне не имеешь права". Ну, он и полез в бутылку, орет на меня. А я ему: "Отстань, Тимоха, нос не задирай!" В общем, поцапались мы. Да, на меня у него руки короткие, а вот вы с ним намаетесь. Собакин он, собака и есть.

Фамилия у нашего отделенного вполне соответствовала характеру. Фамилии и давались людям по кличкам, а клички по характерам.

Собакин в армии фигура типичная и примечательная. Феномен его заключается в крайней устойчивости приобретенных навыков и знаний. Какую бы должность впоследствии Собакин ни занимал, где бы ни учился, в училище или в академии, командовал ли он полком или дивизией, всюду он оставался тем же отделенным командиром, сохранял те же методы. Даже выйдя в отставку, продолжал поучать, наставлять, требовать, изводить своих домочадцев нравоучениями. Его не слушали, но он этого не замечал, автоматически повторяя заученные на первых порах своей командирской деятельности истины. Пусть его не любят и презирают, зато он сам себя любит, любит себя и гордится собой.

Собакины - бич армии. По их вине солдаты плохо готовились к войне, а потом гибли в бою. Их ненавидели бойцы, а начальники - привечали. Рачительный хозяин держит у ворот не безобидную шавку, а злого цепного кобеля. Так спокойнее. Наши средние командиры, сдав нас на попечение Собакина и ему подобных, спокойно проводили время на охоте и в кругу семьи, не часто появляясь на батарее.

В подчинении у Собакина было несколько новобранцев, но он мнил себя большим и важным начальником. Ему было невдомек, что мы служим не ему, а отечеству, и подчиняемся не ему, а армейским уставам. Он жаждал властвовать над нами, быть нашим наставником, воспитателем, повелителем и властелином. Не только подавал нам уставные команды на плацу, а неотступно следил за нами

с подъема до отбоя. Не учил, а третировал, вышибал из нас то, что мы умели, обучаясь военному делу в школе и на допризывной подготовке. Он настойчиво убеждал нас в том, что мы ничего не можем и ни на что не годны.

- Как стоишь! - кричал он. - Как стоишь перед командиром? Смирна! Плечи расправь, расправь плечи, пень, тебе говорят! Подбородок выше, грудь вперед. Локти, локти прижми! Руки не раскрывай. Пятки вместе, носки врозь на ширину приклада. Отделение, становись! Ровняйся! Смотри в грудь четвертого человека. Равнение налево!

- А у меня нет слева четвертого человека, - проговорил Безбородов.

- Я тебе попререкаюсь! - заорал Собакин. - Отделение, налево!

Задерганный окриками Безбородов повернулся направо.

- Ты чо, чурка аль боец? Не знаешь, где право, где лево, а ишо в институтах обучался. Тебе чо, сенокосолу на ноги вязать? Отделение, строевым шагом марш! Ногу в коленях не гнуть, носок оттянуть. Да вы чо? Ноги у вас аль палки ломаные? Я вас выучу, сделаю с вас бойцов. Я с вас дурь повышибу! Я с вас бойцов сделаю. Не хочешь - заставим! Не умеешь - научим! Шагом марш!

Собакин был еще и моралист, любил читать нотации, наставлять и поучать. В конце занятий он строил отделение и делал общий разбор, высказывал недовольство всеми нами и внушал нам, что мы дураки, чурки, пни неотесанные, да к тому же сачки и волынщики, не желаем учиться, ваньку валяем, что этот номер у нас не пройдет, он нас заставит, сделает из нас бойцов Красной Армии. Индивидуальную проработку с каждым он вел после ужина в свободное от занятий время. Поставит очередную жертву по стойке "смирно" и дает характеристику.

- Неумелый, неспособный, неловкий, ни на что негодный, - а затем спрашивает: - Ты чо, сроду пришибленный, тебя часом из-за угла пыльным мешком не вдарили? Ты в самом деле придурок аль прикидываешься? Ну, я с тя дурь вышибу... - и т. д. и т. п.

Упаси бог, ему было возразить. Завопит: "Не пререкайся!" И опять начнет перечислять замеченные недостатки.

"Старик", мой наставник, говорил: "Ежели он тебя прихватил и распекает, стой, не шевелись, ешь глазами начальство и молчи. Как бы он тебя не спрашивал, молчи, не поддавайся на провокацию. Скажешь, он к слову придерется, и опять пошло-поехало, а если молчишь, он выдохнется и отстанет". Я так и делал, и это злило Собакина. Кричит: "Чо молчишь, чо молчишь, онемел, что ли, от страха? Чо молчишь, я тя спрашиваю?" Я молчал, и его речивость иссякала. Это была своего рода бессловесная дуэль. Он улавливал в моих глазах презрение, бесился, старался уязвить меня такими словами, как пень, колода, дубарь, чурка. Я молчал, глядя на него с усмешкой. Он был бессилен донять меня словами и затаил злобу до того момента, когда сможет донять меня действием. После отбоя вызывал во двор, заставлял бегать вокруг казармы. Он немного пробежал вслед за мной, затем уставал, останавливался у угла, поворачивал назад и шел к другому углу, поглядывая, чтобы я бег не замедлял, хотя я, конечно, успевал сбить темп и перевести дыхание.

Собакин следил за мной неотвязно, все искал к чему бы придраться. За малейшее нарушение немедленно наказывал нарядом вне очереди. Впрочем, так он относился не только ко мне. Всем доставалось, а больше всех - Зяме и Кузнец-Кузнецкому.

Кузнец-Кузнецкий пожаловался политруку, а политрук сказал:

- Вы образованный, неглупый человек и должны понимать, что здесь не институт благородных девиц. Мы готовим вас к войне. Там одним снарядом вы будете убивать и калечить многих врагов, а ведь они тоже люди. В армии бойцов готовят убивать. Мы утверждаем, что наша армия самая гуманная в мире. Гуманизм наш заключается в том, что мы не разрушаем, не сжигаем городов, не убиваем мирных жителей, не грабим, не насилуем, не бесчинствуем на завоеванных территориях. Но солдат противника мы обязаны убивать, чтобы они не убивали нас, наших матерей, жен и детей, чтобы не разрушали наши города, не грабили и не насильничали. Вы считаете, будто младшие командиры обращаются с вами жестоко, потому что не знаете, что такое жестокость. Узнаете это на

войне. Командиры строго и настойчиво требуют от вас выполнения приказаний, так предписывает Устав. Вам не на что жаловаться, красноармеец Кузнец-Кузнецкий. Поймите это сами и разъясните своим товарищам.

3

Наступили и с каждым днем усиливались холода. К утру замерзали лужи и вода, оставшаяся в желобах у колодца, из которых поили коней. Приходилось поить коней из ведер. Утром и вечером каждый боец поил своего коня, а днем, когда красноармейцы были на занятиях, дневальные доставали воду из колодца и носили в конюшню.

Мне все чаще приходилось дневалить на конюшне, отбывая очередные и внеочередные наряды. На внеочередные наряды старшина посылал меня чистить сортир или мыть полы в казарме. Чтобы чисто вымыть полы во всей казарме, одному человеку не хватило бы и целой ночи, невольно приходилось заниматься "маскировкой". Старшина принимал работу. Тер чистой тряпкой плинтуса и, заметив грязь, давал еще наряд. Я нахватал их от старшины, помкомвзвода и Собакина полтора десятка.

"Старик"-наставник поучал: "Маскировка - дело тонкое. Старшина хитрый, но ты будь хитрее. Он плинтуса да углы проверяет. Ты их и мой чисто, а пол просто намочи посильней, чтобы не высох, пока старшина придет проверять. На мокром грязь не видно, а утром все равно затопчут. Соображать надо".

Я вымыл пол на верхнем этаже. Старшина проверил, вроде бы чисто. В углу стояла сломанная тумбочка. Старшина отодвинул ее, обнаружил мусор и опять дал мне наряд вне очереди.

"Старик" хитро прищурился: "Поймал тебя старшина. Это его номер. Сам подсыпает мусор за тумбочку и ловит новичков".

В следующий раз, убирая коридор второго этажа, я выгреб мусор, оставленный старшиной за тумбочкой, и собрал на совок. Когда старшина вышел из своей комнаты и спустился на первый этаж, чтобы провести вечернюю поверку личного состава, я быстро вошел в его комнату, открыл его тумбочку, сдвинул вперед лежавшие на нижней полке вещи, высыпал мусор к стенке и задвинул вещи на место. Интересно посмотреть, так ли бдителен и внимателен старшина, как быстро он обнаружит беспорядок в собственной тумбочке. Риск был большой, если обнаружит - мне несдобровать.

Строевая и физическая подготовка, преодоление полосы препятствий с ползанием по-пластунски, метание гранаты, поражение штыком чучела, прыжки через спортивного коня, штык-вой бой, рубка лозы и чучела шашкой в пешем строю занимали у нас меньшую половину дня. Большую часть времени мы тратили на конную подготовку и уход за конем. Овладев посадкой в седло и вольтижировкой, мы перешли к отработке учебной рыси и галопа.

Коней за новобранцами закреплял старшина. Безбородова посадил на высоченную кобылицу Серну. Мне достался почти такой же рослый конь Идеал, а высокий Зяма сидел на низкорослом джигитовочном коне Ландыше, едва не доставая ногами земли.

Идеал был иноходец, по команде "Рысью!" он переходил на быстрый шаг, по скорости не уступающий рыси. Заставить его бежать рысью было невозможно. Собакин заходился от злости, материл меня, бесился, а ведь знал, что иноходца рысью не заставишь. Выручил меня комбат. Увидев на построении, как распределены кони, поматерился стихами, а затем сказал: "Шуточки шутишь, старшина!" И распределил коней по-другому. Натансон получил Серну, а мне достался Ландыш, конь быстрый, злой и норовистый. Он противился выполнению команд, кусался, лягался,

брыкался, норовил сбросить с седла. Трудно было с ним сладить, но зато он нормально бежал рысью.

Новобранцы, не занимавшиеся конным спортом до армии, натирали себе зады и "набивали" спину коню, за что получали крепкий разнос от помкомвзвода и старшины.

Вечером после занятий обычно был прием у санитаря. Младшие командиры и бывшие у них в фаворе "старики" устраивали из этого представление. Они усаживались на скамейки у стен и наблюдали. Санитар наматывал на палку ком ваты и звал пострадавшего. Спрашивал у вошедшего:

- На что жалуетесь? Потерся, небось? Что ж ты не научился в седле сидеть? Сам потерялся и коню спину сбил. Коню ведь тоже больно! Покажи, что там у тебя. Ай, ай! Надо же!

После этой речи санитар опускал палку с намотанной ватой в банку с йодом и с размаху мазал красноармейцу потертые места. Йод обжигал раны, красноармеец вскрикивал, подхватывал руками штаны и прыжками кенгуру вылетал в дверь под дружный хохот зрителей. Санитар кричал: "Следующий!"

По приказу наркома красноармейцев приучали к повышенным нагрузкам. Занятия назывались "пеши по-конному". "Старики" садились верхом, а новобранцы, в шинели, с шашкой, противогазом, карабином и подсумком, становились между конями, брались руками за стремяна и бежали. "Старики" гнали коней рысью, через десять минут переходили на шаг, потом снова рысью. Три километра в одну сторону, три километра обратно. Это упражнение проводили два раза в неделю, постепенно увеличивая дистанцию. На последнем километре уже не было сил передвигать ноги, приходилось волочиться, держась за стремяна. После такой пробежки хотелось свалиться и лежать без памяти, но надо было продолжать занятия по расписанию. Старшина приказывал подкладывать в подсумки и ранцы камни, чтобы довести вес до полной выкладки.

Служба становилась все тяжелей и тяжелей. Вася Белый скорбно изрек: "Чому ты меня, мамо ридна, не родила дивчиной?" Русские в тон ему стонут: "Мамочка родная, чего же ты меня не родила девочкой?"

Каждый из нас считал недели, дни и часы до демобилизации, а служба только началась, и впереди нескончаемое множество мучительных дней. Из третьей батареи дезертировали двое молдаван. Командиры пытались скрыть от нас это ЧП, а мы жадно ловили слухи из штаба дивизиона. Всех интересовало, поймут беглецов или не поймут.

Термометры показывали температуру минус четырнадцать градусов, а чистить коней до минус пятнадцати надо было не надевая шинели. Полагались халаты, но старшина сдал их в стирку и до ухода в отпуск не удосужился получить обратно.

Чистить надо было своего коня, командирского коня и коня товарища, находящегося в наряде. Чистили щеткой, очищая ее о скребницу. Оба этих нехитрых приспособления надевали на ладони. Рукавицы надевать не разрешалось. Скребница была сделана из толстой жести и примерзала к ладони. Если конь вывалился в навозе и навоз присох к шерсти, щеткой его не отчистить, а трогать коня скребницей было запрещено: можно оцарапать кожу. На чистку каждой стороны коня отводилось пять минут, и столько же - на расчесывание гривы и хвоста. Пять минут на чистку копыт, итого двадцать. На трех коней - час. И все это на морозе, без шинели и рукавиц. Наблюдал за чисткой помкомвзвода, а командовал вернувшийся из отпуска старшина. Выйдет на балкон, махнет платком - это означало, что надо переходить на другую сторону. По окончании чистки старшина спускался с балкона и чистой тряпкой тер коня в потаенных местах. Заметив грязь, давал наряд вне очереди и заставлял чистить снова.

Красноармеец Назаров, собираясь зачистить копыто, неосторожно зашел сзади. Не успел он дотянуться до копыта, как удар стальной подковы с шипами свалил его с ног. Из рта Назарова

хлынула кровь. Санитар отвез его в лазарет. Осколки раздробленных ребер впились в легкое. В армейском госпитале Назаров долго лечился и был комиссован из армии с одним легким.

Морозы усиливались, по утрам температура опускалась ниже двадцати градусов. На спортивных занятиях и конной подготовке мы потели, а потом при разборе мерзли в строю так, что промокшая от своего и конского пота одежда примерзала к ногам. У многих появились фурункулы. У меня на левой икре возник небольшой синевато-красный прыщик, а через несколько дней рядом появился другой. Они желтели, гноились, растирались при верховой езде, сильно болели. Санитар обильно мазал их йодом и говорил: "На коне заживет". Но они не заживали, а растирались все больше и больше. Появились новые гнойнички на ногах выше коленей, на животе - уже восемь штук. У Зямы их было двенадцать, а у Безбородова - пятнадцать.

На конной подготовке перешли к джигитовке. Стали разучивать первое упражнение - посадку на скаку. Отрабатывали упражнение на моем коне Ландыше. Повод распускали, привязывали к веревке. Помкомвзвода держал ее конец в руке и гонял коня по кругу. Надо было приблизиться к коню, разбежаться, схватиться левой рукой за переднюю луку, сильно оттолкнуться от земли, подпрыгнуть и сесть в седло. Для этого нужна ловкость и навык. Новобранцы поначалу не попадали в седло, падали, бились об землю. А командир отделения тем временем длинным ореховым прутом погонял коня, хлестал по крупу, и как бы ненароком норовил попасть по спине сорвавшегося с коня красноармейца.

Следующим этапом конной подготовки была полоса препятствий. Хордер - четыре жерди на кольях, каждая последующая выше прежней. Промежутки между кольями были такие, чтобы конь мог оттолкнуться для прыжка через следующую жердь. Новобранцу не разрешалось держать ноги в стременах: нога могла остаться в стремях, запутаться. Конь потащит упавшего и искалечит. Удержаться шлюзами при прыжке трудно. Перескочив через жердь, конь упирался в землю передними ногами, и всадник вылетал из седла, описывал в воздухе дугу и летел вниз головой, выбрасывая руки вперед. Тяжелая шашка и противогаз опережали падение. Противогаз бил падающего по голове, а шашка упиралась в землю и рукояткой ударяла под ребра так, что перехватывало дыхание. Боец раскрывал рот и не мог вдохнуть. Он уж и боли не чувствовал, а Собакин хлестал его по спине. Статья 19 Дисциплинарного устава требовала от командира добиваться от подчиненного выполнения приказа всеми средствами, вплоть до применения силы и оружия. Собакин охотно применял силу, вкладывая ее в конец хворостины и командуя: "Лови коня!"

Конь, освободившийся от всадника, радовался мимолетной свободе и мчался в поле. Приказ надо выполнять. Чуть живой боец вставал, хромя и не смея вслух стонать, сначала бежал поскорее и подальше от Собакина, затем переходил на шаг и пыгался подманить коня, протянув ему руку с кусочком прессованного сахара. Конь недоверчиво косил глазом, но разрешал подойти. При попытке схватить его за узду отскакивал и снова убежал. "Лови коня в поле!" Собакин верхом догонял и ловил коня, приказывал садиться на него и снова преодолевать препятствие.

Красноармеец третьего отделения Ставинский после нескольких падений поднялся, выхватил шашку, поставил ее рукоятку на землю и бросился на острие. Лезвие скользнуло по ребрам, проткнув кожу на груди и спине. Командир отделения перепугался, побежал за санитаром. Помощник командира взвода, руководивший занятиями, вытащил шашку, а тут и санитар подоспел. Рану наскоро забинтовали. Санитар запряг свою повозку и отвез Ставинского в санчасть дивизиона.

По ночам мы замерзали под легкими одеялами, часто бегали по нужде. Спали в исподнем белье. Одеваться было некогда, сунул ноги в сапоги и скорее бежать. До сортира далеко. Грязно там и света нет. К утру по обе стороны крыльца намерзали желтые ледяные бугры. Дневальные, матерясь, скалывали их.

Однажды нагрязнул комбат и увидел эти бугры. Построил перед домом личный состав, стал распекать, поматерился стихами и сказал, что никогда не было в батаре таких нерадивых бойцов.

После этого старшина пригрозил: "Як шо поймаю кого, шашкой голову о трубаю!" Где ему было поймать, спал себе всю ночь в своей натопленной комнате, а дневальные, хоть и матерились, своих никогда бы не выдали. Чем сильнее давили на нас командиры, тем теснее становилось солдатское братство.

От холода появлялось все больше фурункулов. У рядового из четвертой батареи их оказалось тридцать семь. Его отправили в санчасть, но поздно. Он умер от заражения крови. Из штаба поступил приказ своевременно отправлять в санчасть красноармейцев с большим числом фурункулов. У меня их было только семнадцать. Они гноились и пачкали белье. Первые два на икре левой ноги растирались все сильнее и болели, особенно при верховой езде.

Дезертиров-молдаван поймали-таки, привезли в штаб дивизии на гауптвахту. Пришел приказ прислать в штаб на заседание военного трибунала морально неустойчивых красноармейцев. Мы стали готовиться сразу после подъема. Подшили свежие подворотнички, побрились, почистили одежду, довели до блеска сапоги, тщательно почистили коней и сбрую.

Морально неустойчивых набралось двадцать восемь салаг. Я, конечно, был в их числе. С нами поехали "старички"-коноводы, один на трех коней. Вел команду помполит. Шли кавалерийским строем, звеньями, по три всадника в ряд. На въезде в деревню помполит скомандовал: "Запевай!" "Старик"-запевала затянул любимую кавалерийскую песню: "Здравствуй, милая Маруся! Здравствуй, цветик дорогой! Мы приехали обратно с Красной Армии домой". Все подхватили: "Мы приехали обратно с Красной Армии домой". Куплет "Ты уж думала, Маруся, что убит я на войне и зарыты мои кости в чужой дальней стороне" запеваля исполнил особенно прочувственно, со слезой. И не думалось и не гадалось никому, что через полгода многие из поющих и в правду будут зарыты в этой чуждеальной стороне. О том, что грядет война, говорили в двадцатых и тридцатых годах, говорили и теперь, но как-то неопределенно. Мы верили в то, что через два года, отслужив положенный срок, вернемся домой. А пока ехали по деревне и пели. Новобранцы приосанились, худо ли бедно, научились сидеть в седле и чувствовать себя уверенно при движении шагом. По деревне шло с виду бравоое кавалерийское войско. Женщины выглядывали из окон, протышав и протерев глазок в замерзшем окне. Девушки выбегали

к калиткам. Воин-всадник в воображении деревенской женщины был образом мужества, силы и лихости. И всадники под приветливыми взглядами женщин чувствовали себя бравыми, лихими, как будто мы ехали не на суд - слушать, как приговорят к строжайшему наказанию таких же, как мы, морально неустойчивых, не выдержавших издевательств и тягот армейской службы.

В Большую Берестовицу тоже въехали с песней, но она сразу оборвалась. На перекресток из-за угла вылетели сани, обыкновенные сани-розвальни, только на облучке сидел не деревенский мужик, а красноармеец. В санях на соломе лежали дезертиры, лицом друг к другу. Шапки-малахаи со спущенными ушами закрывали их лица. Одеты они были в поношенные колушки, некогда коричневые, а теперь неопределенного цвета, заплатанные и потертые. На ногах у дезертиров были стоптанные валенки. У облучка спиной к ездому в полный рост, опершись на карабин с примкнутым штыком, стоял часовой в длинной, до пят, шинели, в буденовке с опущенными наушниками. Точь-в-точь Павка Корчагин с обложки книги "Как закалялась сталь". Это был комсорг третьей батареи, я его видел на общем комсомольском собрании в штадиве, где он сидел в президиуме и выступал толково и горячо. Кони шли крупной рысью, сани подсакивали на ухабах, но комсорг стоял не шелохнувшись. Не каждому дана такая устойчивость.

Сани умчались. На следующем перекрестке нам повстречались конники второй батареи. У коновязи возле штаба дивизиона мы спешили и привязали коней. Подоспели и красноармейцы второй батареи. Встретились знакомые, начались расспросы. Дела там шли не лучше наших. Жаловались на младших командиров, на тяжесть занятий, особенно на марш-броски "пеши по-конному". В клубе половина мест уже была занята бойцами третьей и четвертой батарей.

На сцене стоял стол, покрытый красной скатертью, и стулья для судей. Справа была наскоро сколоченная загородка для подсудимых, а слева кафедра для обвинителей. Двое вооруженных

конвоиров ввели дезертиров. Раздалась команда: "Встать! Суд идет!" Началось судебное разбирательство.

До призыва в армию дезертиры пасли овец, привыкли к тишине и уединению. Физическая нагрузка у чабана невелика, не сравнить с работой в колхозе. Служба в армии навалилась на них непривычной тяжестью, и физической, и моральной. С командиром не поладили, не выдержали и сбежали. Мы испытывали то же самое и не могли им не сочувствовать. Сбежав из армии, дезертиры действовали осмотрительно, в родной деревне не показывались. Отправились к родственнику, служившему на железнодорожной станции, спрятались у него. Он связался с родителями, те прислали одежду и деньги. У колхозников не было паспортов. Родственник достал для беглецов фиктивные справки, по которым они под чужими фамилиями завербовались на лесоповал в далекий сибирский леспромхоз. Все было сделано с тщательной конспирацией. Как их сумели обнаружить, в суде не огласили. Оперативность и дотошность розыска произвели на всех морально неустойчивых тягостное, но сильное впечатление. Стало ясно: бежать из Красной Армии бесполезно, не скроешься, отыщут.

Дезертиров приговорили к десяти годам лишения свободы по статье 58

УК РСФСР (политические преступления), что было немногим лучше расстрела.

На батарею мы возвращались без песен, подавленные и ошеломленные. Зяма Натансон сказал: "Здесь у нас добровольная тюрьма. Нет ни охранников, ни колючей проволоки, а не убежишь".

Столовая находилась в левом крыле барского дома. Все сразу там не помещались. Сперва кормили "стариков", затем новобранцев, а потом младших командиров. На завтрак давали полмиски каши с мясной подливкой или кусочком рыбы, триста граммов хлеба и три кусочка прессованного сахара. Сахар давали на весь день. Чай пили утром, в обед и вечером. Заварка была морковная или фруктовая, настоящего чая в стране было мало.

В обед давали миску первого, полмиски каши, кружку чая и четыреста граммов хлеба. Съесть такое количество хлеба удавалось только Безбородову. Собакин проверял наши карманы при выходе из столовой. Обнаруженный хлеб отбирал и приказывал зашить карманы. Надо было ухитриться, что бы вынести хлеб и съесть его потом.

На ужин мы получали опять полмиски каши с подливкой, чай и триста граммов хлеба. Дома я бы за день не съел и половины такого количества пищи. Здесь же, как и все другие новобранцы, постоянно чувствовал голод.

На прием пищи в столовой отводилось строго определенное время. Успел или не успел поесть, а звучала команда: "Встать! Выходи строиться".

Хорошо прожевать пищу мы не успевали. Я научился есть быстро, глотать, не прожевывая. Этот навык пригодился на фронте, но расплатой стала язвенная болезнь желудка.

В столовой мы сидели по отделениям, по восемь человек за столом. Еду заготавливал дежурный, приносил бачок с супом на восемь литров, полбачка каши и хлеб. Хлеб резали по очереди. За правильностью нарезания все следили особенно строго. Разрезав хлеб, хлеборез поворачивался к столу спиной, а другой боец брал кусок и спрашивал: "Кому?" Хлеборез называл фамилию. Так исключалась возможность недобросовестности при дележе хлеба. Каждый съедал литр первого, по четыреста граммов каши и хлеба, но вставал из-за стола голодным.

Письмо командиру дивизии с просьбой перевести меня в танковый полк я переписывал несколько раз, но так и не отправил. Я уже знал, что обращаться с рапортом надо по инстанции, начиная с командира взвода, который прочтет рапорт и, если сочтет нужным, передаст командиру батареи, а тот, в свою очередь, командиру дивизиона и так далее. Нечего было и думать, что моя просьба таким образом могла дойти до командира дивизии. Уже от командира взвода я получил бы крепкий нагоняй, что ухудшило бы мое и без того крайне плачевное положение. С другой стороны, послав письмо по почте, я мог нарваться на еще большую неприятность. Если комдив сочтет мое неуставное обращение к нему дерзостью, то прикажет наказать. Это было бы окончательной катастрофой.

Я переписывал письмо несколько раз, старался ни малейшим намеком не посетовать на тяжесть службы в конной батарее. Делал упор на то, что со школьных лет мечтал стать танкистом. После просмотра кинофильма "Три танкиста" у меня в самом деле возникло такое желание.

У Васи Белого появился двадцать первый фурункул. Васю отправили в санчасть. У меня четыре фурункула созрели, прорвались, и гной вышел. Они стали подсыхать. Оставалось еще тринадцать. Беспокоили только первые два, которые на левой икре превратились в язву. Кожа лопнула, обнажились мышцы. Язва кровоточила и покрывалась гноем. Я показал рану санитару, но мазать йодом не дал. Санитар сказал свое: "На коне заживет". Но язва не заживала, увеличивалась и распозалась по икре. Образовалось "дикое мясо", причиняя жгучую боль не только при верховой езде, но и при ходьбе. Я хропал. Собакин кричал: "Придуривайтесь!" Все чаще заставлял меня бегать после отбоя вокруг казармы. Нарядов вне очереди было уже двадцать восемь.

Письмо комдиву я прятал в тайнике под кормушкой своего коня и всякий раз, когда приходилось верхом отправляться из расположения, совал за пазуху в надежде тайком бросить в почтовый ящик в какой-нибудь деревне.

Раз в десять дней мы мылись в гарнизонной бане. Меня, Зяму, Кузнец-Кузнецкого и Безбородова под командой санитары вечером отправили топить баню. Ночью мы пилили и кололи дрова, таскали воду в котлы и баки. К утру растопили печи.

Утром к бане подошли три танка и остановились. Танкисты вышли из машин, и завязалась беседа. Следовали они в Волковск участвовать в учениях кавполка для отработки взаимодействия кавалерии и танков в наступательном бою. Танкисты были бодрые, веселые. Угостили нас сухарями, расспрашивали о том, как нам случится.

Я улучил момент и вручил письмо танкисту с просьбой передать в штаб дивизии или опустить в почтовый ящик в Волковске.

Навсегда остался в памяти первый орудийный выезд. Приехал командир огневого взвода. Из клуни, которую называли орудийным парком, руками выкатили пушку - 76-миллиметровое орудие. Я был потрясен, прочитав на его стволе надпись: "Орудийный завод Его Императорского Величества". Ведь это была пушка времен Первой мировой войны! А ее еще возил по Красной площади, демонстрируя мощь Красной Армии. В столице! В Москве! Чем же тогда были вооружены полки в захолустных гарнизонах? И такими пушками мы собирались громить фашистскую армию.

В орудие запрягли шестерку битюгов-тяжеловозов попарно цугом. Каждой парой управлял верховой, сидевший на правом коне. Впереди орудия ехал верхом командир взвода. За орудием тоже верхом следовал орудийный расчет. Кавалькада выехала на аллею, ведущую к большаку, сначала шагом, затем рысью. Проскакала с километр, развернулась и, переходя на рысь и шаг, возвратилась к орудийному парку. Зрелище было впечатляющим.

Два раза в неделю командир взвода проводил занятия по устройству пушки. Приносили тяжелый, массивный затвор. Лейтенант объяснял его устройство. На старом, основательно затертом плакате показывал и называл части орудия. Бывшие десятиклассники усваивали материал быстро. Изредка

вытаскивали из орудийного парка пушку, устанавливали на тренажник буссоль и по команде лейтенанта разыгрывали выстрел. Командир был нами доволен, потому что мы все делали правильно. И мы были им довольны. Лейтенанты намного толковей и грамотней младших командиров, не придирались, были обходительны, владели методикой обучения. Жаль, что они проводили занятия с нами редко.

Из штадива пришло уведомление о том, что поступок рядового Ставинского военный трибунал расценил как членовредительство и приговорил его к двум годам отбывания наказания в крепости.

Крепость - нововведение маршала Тимошенко, заимствованное из царской армии. Рядовые в крепости использовались на тяжелых, чаще всего строительных работах, а после рабочего дня занимались строевой, физической и политической подготовкой. После отбывтия срока наказания их отправляли в пехоту, где они должны были отслужить установленный двухгодичный срок. Командный состав в крепости отличался особой жестокостью и придиричивостью. Служба там была намного тяжелее, чем в обычных войсковых частях. Жаль Ставинского. Ведь он не виноват. Судить по справедливости надо не его, а младшего командира, который довел его до такого отчаянного поступка.

Тридцать первого декабря меня назначили в наряд на трехсменный пост часовым.

Смена мне выпала самая скверная, с двадцати трех до часа ночи. На мне были валенки и огромный, не по росту, артиллерийский тулуп. Прежде в артиллерию отбирали рослых бойцов. Теперь брали кого попало. Полы тулупа волочились по снегу. Руки утонули в рукавах. Карабин я держал на животе, прижимая крест-накрест сложенными рукавами. Поднятый ворот скрывал голову выше буденовки. Только нос торчал из щели в воротах.

От мороза потрескивали деревья в липовой аллее и черепица на кровле. Верховой ветер гнал по небу тучи. В просвет на миг выглядывала луна и быстро исчезала. От смены света и тьмы рябило в глазах. Вражескому лазутчику было бы легко подкрасться ко мне. Я прислушивался, но что можно услышать, когда уши закрыты буденовкой и меховым воротником тулупа. Все же звуки радио, включенного в казарме, до меня доносились. Танцевальная музыка, песни. Москва встречала Новый год, и вся страна вместе с ней. Я представлял, как в ярко освещенных залах танцует и ликует страна родная. Можно было утешиться тем, что я часовой родины, охраняю покой моих соотечественников. Но у меня были другие мысли. Грубая шершавость твердого валенка терла ногу. Зачем я так легкомысленно послал письмо, которое нельзя было посылать?! Пока оно лежало неотправленным, была надежда, что я его пошло и служба переменится.

Есть издевательская притча о том, что утопающий хватается за соломинку. Когда не за что ухватиться, не на что надеяться, кажется, что и соломинка спасет, удержит, не даст утонуть. Утопающий тонет не с отчаянием, а с надеждой на спасение. Письмо к комдиву было для меня такой соломинкой. Теперь надежда исчезла, появилось отчаяние, ожидание рокового конца. Комдив прикажет наказать меня за то, что я обратился к нему, минуя инстанции. Не выходила из головы мысль о Ставинском. Два года в крепости, а потом еще два года срочной службы. С ума сойти! Мне такого не выдержать.

Я шел вдоль клуни в сторону казармы. На втором этаже светились окна комнаты старшины, выходящие на балкон. Он с помполитом и ветинструктором встречал Новый год. Пили водку, ели домашнюю колбасу и сало, купленное в деревне. Все это было для нас запретным. Комбат с политруком и взводными пировали в теплой избе с женами. Все встречали Новый год, новую жизнь, радовались, пили, ели, танцевали, а я один здесь в морозной ночи волочил прижатый к животу карабин, свою тоску и безысходность. Зачем мне такая жизнь? Не хотелось так жить, и вообще жить не хотелось.

Ставинский выхватил шашку, когда его довел до отчаяния командир. Я, наверное, тоже бы выхватил, но не бросился бы на нее. Я бы бросился на обидчика и зарубил бы его. Меня с детства

учили владеть шашкой. Старшие показывали, как надо рубить. Деревянной шашкой я рубил бурьян. В конно-спортивном кружке рубил лозу и чучело. Хорошо рубил. Собакина бы зарубил. Страшная мысль! Покушение на командира. Террористический акт. Статья 58 УК РСФСР, политическое преступление, карается высшей мерой наказания, с проклятием всем народом и ссылкой ближайших родственников. Еще не хватало, чтобы из-за меня сослали маму и сестер.

В Ленинской комнате на стенах висели плакаты с указанием всех наказаний, начиная от одного наряда вне очереди и кончая расстрелом с лишением гражданских прав, конфискацией имущества и прочее, и прочее...

Не хочу жить. Не хочу, чтобы меня подвели под 58-ю статью, не хочу убивать Собакина и идти из-за него под расстрел, под допросы и пытки перед судом. Потом мучительный насильственный конец. Лучше я сам. Зачем тянуть? У меня карабин с патронами.

Ветер гнал тучи. Вспыхнул ярким светом снег, освещенный луной, и опять темнота. Я прошел вдоль длинной стены клуни, повернул, миновал торцевую часть. Радиорепродуктор разнес в ночи бой курантов. Полночь. В стране наступил роковой 1941 год, а я наступил на полу волочившегося по снегу тулупа, споткнулся и упал, зашиб большую ногу. Острая боль воплем отдалась в мозг. Я выпростал из длинных рукавов тулупа руки, сбросил рукавицы, передернул затвор, дослал патрон в патронник. "Старики" рассказывали, как это делается. Надо снять сапог, дуло карабина прижать к подбородку у горла и большим пальцем ноги нажать на спусковой крючок. Просто.

Я лежал в неудобной позе. Приподнялся чуть-чуть, уперся локтями в твердый притоптаный снег. Луна появилась в просвете туч, осветила узкую полосу поля между лесом и изгородью барской усадьбы. По полю, приближаясь к усадьбе, шли волки. Впереди матерый, а за ним след в след стая. Матерый был от меня метрах в пятидесяти. Интуитивно я вскинул карабин и выстрелил. Туча закрыла луну. Пугаясь в полах тулупа, я поднялся, опираясь на карабин. Слышу крик команды, донесшейся из караулки, топот, скрип снега под ногами. Ко мне бежали карнач (караульный начальник), разводящий и смена. От караулки до клуни было всего два десятка шагов. Уже ничего нельзя было успеть. Надо было готовиться к встрече.

- Стой, кто идет! Стой, стрелять буду! - прокричал я. В ответ услышал гневный голос караульного начальника:

- Я те постреляю! Я те постреляю!

- Стой! - зло крикнул я и щелкнул затвором.

Остановились. Другой, более спокойный голос произнес:

- Разводящий с караулом.

- Разводящий ко мне, остальные на месте! - скомандовал я по Уставу.

Разводящий подошел, отобрал у меня карабин.

- Ты чо? Очумел? Чего стрелял?

- Там волки.

- Я те дам, волки, - рявкнул карнач. - Сдай пост.

Я снял тулуп и передал его сменщику. Разводящий взял мой карабин на изготовку. Меня под конвоем отвели в караульное помещение, посадили в угол и поставили часового. Это означало, что я арестован.

Настроение было подавленным. Вляпался. Всыпят мне по первое число. Глупо. Зачем стрелял? Если бы меня растерзали волки, то не надо было бы совершать самоубийство. Погиб на боевом посту. Маме платили бы пенсию за погибшего сына. Как было бы хорошо.

Постепенно успокоился. Все не так, все неверно. Волки шли не на меня нападать. Нужен я им, как же. Шли они на запах со скотного двора. Я, бдительный часовой, их заметил и своим выстрелом предотвратил нападение волков на скотину подсобного хозяйства. Меня не наказывать, а благодарить нужно. Да только кто мне поверит, что были волки. Пригрезилось в темноте, струсил и пальнул. За это наказание последует. И опять - ну почему я не застрелился? Потому что, в самом деле, я разгильдяй и недотепа. Мысли путались. Клонило ко сну, и я заснул.

Разбудил меня гневный голос комбата.

- Он еще и дрыхнет, - далее стихотворная матерщина. Потом все еще гневно: - Почему стрелял на посту?

Рассказал про волков, уже в свете последней придуманной перед сном легенды.

- Вставай, - говорит комбат. - Пойдем, проверим.

За спиной у комбата стояли политрук, помполит и старшина. Направились к клуне. Меня одолевали сомнения. Были ли на самом деле волки? Может, почудилось в тот короткий миг, когда показалась луна. Я выстрелил, и наступила тьма. Больше я ничего не видел. Если почудилось, то плохи мои дела.

Ветер был верховой, только тучи гнал по небу. У земли поземки не было. Подошли к клуне. Я показал, откуда стрелял. Помполита послали проверить, есть ли волчьи следы. Он с трудом, проваливаясь, пошел по глубокому снегу.

- Есть волчьи следы, и кровь есть! - прокричал помполит.

- Стало быть, не соврал, - довольным голосом сказал комбат. - Ночью в волка попал. Молодец! - Комбат развеселился. Если бы волчьих следов не оказалось, ему пришлось бы докладывать командиру дивизиона о крайне неприятном ЧП: в новогоднюю ночь струсивший часовой с перепугу палил в темноту. Теперь все оборачивалось похвально: часовые на батарее бдительно несут службу и стреляют метко. Комбат подмигнул политруку.

- В темноте попал, - и вполголоса, на ухо, - а ты днем промазал.

Политрук на шутку не обиделся, и они, довольные, отправились домой похмеляться после бурного ночного возлияния. Перед отъездом комбат приказал старшине построить личный состав, поздравил всех с Новым годом и объявил мне благодарность.

Я дневалил на конюшне, когда пришел помполит и приказал: "Следуй за мной!" Привел он меня в кабинет комбата. Там уже были комбат и политрук. Лица у обоих угрюмые и злые. Политрук сказал помполиту: "Подожди за дверью". После того, как помполит вышел, комбат рявкнул: "Жаловался?!"

Я обомлел. Понял, что речь пойдет о моем письме к комдиву. Вот оно, начинается. Комбат матерился стихами, а политрук сказал:

- Как ты посмел? Знаешь ведь, как следует обращаться к вышестоящему начальнику. Мы рады от тебя избавиться, одним разгильдяем у нас меньше будет. Но смотри, если ты и там дурака валять будешь и тебя вернут обратно, пеняй на себя. Помполит!

Тот вошел.

- Забери этого раздолбая. Пусть соберет свои вещи. Скажи старшине, чтобы выдал ему чемодан. Седлайте коней. И никому ни звука. Отвезешь его в Крынки и сдашь под расписку в штаб восьмого танкового полка.

Оторопь сменилась радостью. Под матерную декламацию комбата я удалился, не помня себя от бушующего ликования. Вот оно, спасение!

Старшина не вернул мне мой новый чемодан, и мои вещи лежали в его ломаном фанерном чемодане. Чтобы они не вывалились в пути, пришлось перевязать чемодан веревкой и приторочить к седлу. Моего коня Ландыша взяли на занятия по джигитовке. Помполит приказал седлать Идеала. Иноходец нес седока плавно и не отставал от рысившего коня помполита.

Близ Крынок находился артополигон, на котором вели стрельбы артиллеристы и танкисты. Помполит бывал там и знал дорогу. Ехать было далеко. Чтобы не запалить коней, меняли аллюр, чередуя шаг с рысью. День выдался морозный. Стужа забиралась под шинель, и время наступило обеденное, но я забыл о еде, меня будоражили другие мысли. Как примут меня в танковом полку? Какие там командиры? Не попаду ли ко второму Собакину? Вспомнил про мусор, подсыпанный старшине в тумбочку. Он так его и не обнаружил. К рядовым придирается, а сам не больно чистоплотен. За своей тумбочкой не следит, мусора в ней не заметил. Какой старшина будет у танкистов?

На окраине большого села на перекрестке дорог стояла корчма. Мы спешили, привязали коней, зашли в корчму пообедать.

Красноармейцам полагалось денежное довольствие. Какая-то небольшая сумма, кажется, шесть рублей с копейками. Скопленных за полгода денег мне вполне хватило на то, чтобы пообедать в харчевне. Помполит заказал себе спиртное. Корчмарь принес ему стакан мутного бимбера (самогона). Мне нельзя было являться к новому месту службы выпившим. Я от выпивки отказался.

5

Мястечко (так в Польше называют маленькие города) Крынки располагалось в просторной долине. В уединенной барской усадьбе я отвык от городской суеты. Городок показался мне людным и шумным. По улицам сновали жители: женщины с детьми, мужчины, красноармейцы и лейтенанты, которым приходилось отдавать честь. Навстречу нам прошагал с песней взвод курсантов полковой школы.

У входа в большое каменное здание стоял часовой. Мы поняли, что это штаб. Спешили. Помполит оставил меня с лошадьми, ушел в штаб. Вскоре вернулся и сказал: "Иди, обратись к дежурному". Сел в седло, взял повод моего коня и, не прощаясь, уехал. Ему следовало спешить. Темнело, а обратный путь не близкий.

Дежурный направил меня к помощнику начальника штаба по кадрам. У него уже имелся приказ штадива о моем переводе из КНАДа в танковый полк и мое личное дело, которое передал помполит. Кадровик сказал:

- Будешь служить в первом эскадроне. Из штаба иди прямо. За городом на перекрестке увидишь костел. Свернешь направо, на дорогу, ведущую на восток. Поднимешься по ней, увидишь огромную ригу. Там танковый парк. Не доходя до него, по правой стороне стоят три дома - расположение первого эскадрона. Обратишься к комэску, старшему лейтенанту Холодцову. Вот направление.

Здесь то же была усадьба, но не такая богатая, как в Берестовице. Три одноэтажных здания выстроились в ряд на пологом склоне холма вдоль дороги, ведущей к парку. Первые два дома,

видимо, предназначались для челяди. Теперь в них жили танкисты. В третьем, более просторном, расположился техкласс, Ленинская комната, в которой проводили политзанятия, изучали Устав и Наставления. В одной из небольших комнаток был кабинет командира эскадрона.

Старший лейтенант - худощавый, рослый и рыжий. Внешность его соответствовала описанию Челкаша из одноименного рассказа Горького. Танкисты между собой его так и называли - Челкаш. Он был строг, но справедлив и не злобен. Хороший был командир. Меня он назначил во второй взвод, в группу механиков-водителей.

До приказа наркома о перворотниках механиков-водителей готовила полковая школа и в зависимости от успеваемости выпускала младшими сержантами или сержантами. Теперь из красноармейцев со средним образованием готовили механиков в первом эскадроне. Занятия по устройству танка вел зампотех - заместитель командира полка по технической части.

Личный состав первого и второго взводов размещался в небольших комнатах среднего дома. Старшина указал мою койку, повел в каптерку, отобрал кавалерийскую длиннополую шинель, пропахшую конским потом, мочой и навозом. Выдал короткую темно-зеленую танкистскую шинель. Забрал у меня шпоры и спросил, отчего я хромаю. Велел показать рану. Удивился: "И с этим ты ездил верхом?" Велел утром идти в лазарет.

Занятия закончились. Красноармейцы вернулись в казарму и окружили меня. Стали расспрашивать о службе в конной артиллерии. Я рассказал им и о строевой подготовке, и о конной, о холоде в нашей спальне, о желтых буграх, выросавших за ночь у крыльца. О том, как гонял нас после отбоя вокруг дома младший сержант Собакин. Показал больную ногу. Язва растерлась от трехчасовой езды верхом, сочилась розовой сукровицей, гноилась по краям, дурно пахла.

Бойцы сокрушались, говорили: "Мы думали, что у нас трудно служить, а в кавалерии вон как! Что ж тебе ногу не лечили?"

Рассказал им, как лечил потертости санинструктор. Получилось смешно. Порой на меня находит, рассказываю с юморком. И сейчас нашло. Я как можно смешнее изобразил мое первое дневальство в "зверинце". Танкисты смеялись до слез. В общем, приняли они меня в свою танкистскую семью по-братски.

Привезли ужин. Ели танкисты в большой комнате в нижнем доме. Там стояли столы и лавки. По вечерам, в свободное время, туда приходили писать письма и заниматься самоподготовкой. Рядом с этим помещением находились две комнатухи: каптерка и обиталище старшины. В двух других комнатах помещался личный состав третьего взвода.

Пищу готовили на полковой кухне в Крынках и привозили в термосах. Продовольственная норма у танкистов была лучше, чем у кавалеристов, и разделялась на обычную и броневую. По "броню" питались командиры танков и механики-водители. Башенные стрелки и бойцы прочих специальностей броневой паек не получали. Разница была не слишком велика. По "броню" полагался кусочек сливочного масла, четвертый кусочек сахара и рис. Приварок был общий и его делили на всех.

Меня согласно существовавшему правилу на довольствие зачислили со следующего дня. Но, не считаясь с этим, позвали ужинать. Хлеб здесь не делили на пайки, нарезанный, он лежал на столе. Каждый брал, сколько хотел. Кашу с мясной подливкой дежурный черпаком разложил по мискам. В термосе еще осталась каша. Добавку попросили только двое. Мне тоже добавили вторую порцию. Ели без жадности, и оставшийся хлеб не расхватывали, что меня удивило. Остатки каши тоже никто не доел. Я отметил про себя, что танкисты ели меньше, чем батарейцы. О голоде не было и речи. Я впервые за долгое время почувствовал себя сытым.

Утром отправился в лазарет. Врач глянул на мою язву на левой ноге, удивленно присвистнул. Сосчитал фурункулы на моем теле и еще раз удивился. Велел снять пропитанную гноем одежду и

отправил ее в стирку. Мне обработали рану, присыпали ее порошком, очистили от гноя созревшие фурункулы, выдали халат и отправили на койку. За несколько дней рана подсохла. Фурункулы каждый день смазывали мазью, и они тоже прошли. Меня выписали в эскадрон с освобождением от строевых занятий. Разрешили ходить в ботинках до полного заживления язвы.

В эскадроне, как и везде, имелись "стукачи", доложившие политруку о моем разговоре с танкистами в день прибытия. Политрук сказал: "Это хорошо. Наши первогодки жалуются на тяжесть службы. Пусть знают, что в других частях намного трудней".

Командир взвода сказал мне, что мехводы уже два месяца изучают устройство танка и мне необходимо догнать их. Он дал мне учебник, довольно объемистую книгу, рассчитанную на новичков, не имеющих достаточного общего образования. Устройство танка в ней излагалось доходчиво и просто. Я все понимал.

Матчасть танка в первом эскадроне преподавал зампотех, старший лейтенант. Усердная служба Смерш значительно оголила командный состав. После успешных действий дивизии в войне с поляками и присоединения к СССР Западной Белоруссии генерала, командира дивизии вызвали в Москву. Но не в Кремль за получением награды, а на Лубянку. Обрато он не вернулся. То же произошло и с полковником, командиром танкового полка. Теперь командовал полком капитан, а зампотехом у него был старший лейтенант. Раньше эскадронами командовали капитаны, теперь - старшие лейтенанты.

Техкласс находился в верхнем здании, в большой комнате. Там у стены, на прочной деревянной подставке стоял двенадцатицилиндровый мотор. В углу была гора деталей. На столах вдоль стен - разрезы цилиндров, карбюратора и других важнейших агрегатов. На стенах висели плакаты с изображением деталей и описанием их устройства. В углу, на деревянном возвышении тренажер: кресло механика-водителя, все рычаги и педали управления машиной.

Командир взвода объяснил мне их действие и велел упражняться для отработки движений.

Я с усердием принялся за учебник. Каждый вечер в часы самоподготовки приходил в техкласс и упражнялся на тренажере. Командир отделения и командир моего танка помогали мне, давали вводные на тренажере. Товарищи объясняли устройство сложных деталей, порядок действия цилиндров и системы зажигания. Их удивляло мое рвение, настойчивое желание изучить машину. Большинство из них училось с прохладцей. Здесь, так же как и на батарее, новобранцы тяготились службой, считали дни до ее окончания, тосковали по дому. Также проводились изнурительные марш-броски "пеши по-танковому", но без участия танков. На старте выстраивались экипажами, как располагались в танке. Впереди мехвод, за ним командир танка и башенный стрелок. Бежали с полной выкладкой: карабин, противогаз и камни в ранце. Каждую неделю увеличивалось расстояние. Они бегали уже по десять километров.

Строевая подготовка, маршировка на учебном плацу, шагистика, отработка оружейных приемов, преодоление полосы препятствий, штыковой бой, физподготовка, изучение Устава и Наставлений, политзанятия в Ленинской комнате, где так же, как и на батарее, вдоль всех стен висели плакаты с перечислением наказаний - от одного наряда вне очереди до высшей меры с проклятием всем народом и ссылкой ближайших родственников.

Я изо всех сил старался не нарушать порядка, успевать на занятиях, не обострять отношений с командирами, прилежно выполнять их приказания, не пререкаться. Нарядов вне очереди пока не было.

Младшие командиры здесь были не так придирчивы и свирепы. Может быть, потому, что их было много. Командиры машин - сержанты и старшие сержанты. А командир отделения сержант, в подчинении у него командиры танков - старшие сержанты. По Уставу младший по званию мог

отдавать приказания только с разрешения старшего по званию, вот и разберись тут, что к чему и кто кому подчиняется.

Комсорг полка, младший политрук, в прошлом году закончивший военно-политическое училище, вел активную работу. Проводил общеполковые комсомольские собрания, устраивал соцсоревнования с находящимися по соседству воинскими частями. Соседей у нас было мало. Ближе к границе расквартирован стройбат, строивший дот. Работы шли вяло, для отвода глаз. Большой нужды в доте мы не видели. Согласно военной доктрине Сталина, воевать собирались не на своей территории. С пограничниками у нас дружбы не было. Они принадлежали Наркомату внутренних дел - войск НКВД, а мы подчинялись Наркомату обороны.

Тесная дружба у нас была с танковой бригадой, расположенной в Свислочи, восточнее нас. Туда мы ездили несколько раз, и они приезжали к нам.

На штабном автобусе нас возили в Белосток. Он был неподалеку. Там размещался штаб 10-й армии, в состав которой входила наша 36-я кавдивизия. В Белостоке "старики" показали нам пробоину в башне костела, сделанную танком нашего полка. В этой башне сидели польские разведчики, корректировавшие артиллерийский огонь.

Что делалось у пограничников, мы не знали, хотя в приграничной полосе случалось ездить. Похоже, что, кроме нашей дивизии, стройбата и танковой бригады, войск не было. А по ту сторону границы заметно накапливались немецкие войска. Ходил анекдот, будто Молотов спрашивает у Риббентропа:

- Зачем вы сосредотачиваете дивизии на нашей границе?

- На западе беспокойно, - отвечает Риббентроп. - Мы отводим войска к восточной границе, чтобы дать им отдохнуть. А зачем вы держите войска у западной границы?

- Для того чтобы ваши войска могли спокойно отдыхать, - отвечает Молотов.

Вышел Указ Верховного Совета СССР "О запрещении антифашистской пропаганды".

На политзанятиях политрук эскадрона разъяснил, что это мудрый ход товарища Сталина, успокаивающий немецкое правительство. Сталин дает понять Гитлеру, что мы не питаем враждебных намерений к его партии. Нам важно выиграть время, необходимое для перевооружения и основательной подготовки красноармейцев к войне.

В 8-м танковом полку на вооружении были быстроходные танки БТ-5, оснащенные 37-миллиметровыми пушками и спаренным пулеметом. В двадцатые годы и в начале тридцатых годов танки предполагалось использовать как грозную, устрашающую силу, грохотом и лязгом заставляющую противника обратиться в бегство. Танки должны догнать бегущих врагов и давить их колесами или гусеницами.

Война в Испании, явившаяся испытательным полигоном для созданного после Первой мировой войны оружия, показала, что танк - это движущаяся огневая мощь, что подтвердили бои на озере Хасан и реке Халхин-Гол. Появился усовершенствованный быстроходный танк БТ-7, вооруженный 45-миллиметровой пушкой, а затем танки, у которых круглая башня была заменена конической. У танков БТ не было переговорных устройств и радиостанций. Рациями оснащались только командирские машины. Антенна в виде медной трубы опоясывала башню. За нее было удобно держаться сидевшему на танке десанту.

"Бетушки" (танки БТ) имели гусеничный и колесный ход. При следовании по шоссейным дорогам можно было снять гусеницы и ехать на колесах со скоростью до шестидесяти километров в час. Такую скорость имел не всякий автомобиль. Мощный двенадцатицилиндровый мотор танка работал

на чистейшем бакинском бензине, а для смазки требовалось высокосортное масло. Смазка ходовой части осуществлялась вручную каждые полчаса, что осложняло работу экипажа и было большим неудобством и существенным недостатком.

Движение на колесах по пересеченной, заболоченной местности, по пахотным полям и грязным проселочным дорогам крайне затруднительно, а замена колес на гусеницы требовала времени. Траки гусениц соединялись круглыми металлическими стержнями - "пальцами". При движении они деформировались, напоминали коленвал. Выколотить такой "палец" можно было только кувалдой. Замена гусениц в боевой обстановке была практически невозможна.

Кроме танковых эскадронов в полку есть эскадрон управления. У него на вооружении десять бронемашин БА-5 и десять БА-3, установленных на шасси грузовых автомобилей ЗИС-5 и ЗИС-3 соответственно.

В зимнее время все боевые машины полка помещались в гигантской клуне, построенной, как утверждали местные жители, по приказу Наполеона, для накопления и хранения продовольствия. Высокие стены ее были сложены из круглых бутовых камней. Крыша острроверхая, черепичная. Находилась клуна на ровной поляне, на возвышенности, метрах в ста от верхнего дома, в котором расквартирован эскадрон. К северу от поляны парк, на востоке ее окружал лес, а к западу находился склон, поросший кустарником. Виднелись развалины средневекового замка, заросшие кустами шиповника и сирени.

В бывшем магистрате - а теперь это горсовет - есть старинная гравюра, изображающая этот замок. Когда-то это было солидное строение с высокими зубчатыми стенами, башнями, дворцовыми и служебными строениями. Жители говорили, что из подвалов замка к костелу вел подземный ход. Мы сомневались, уж очень далеко замок стоял от костела.

Первое время служба в танковом эскадроне казалась мне раем, но у танкистов были свои трудности. Они не бездельничали. Уход за машинами, расчистка дорог после снегопадов, уборка территории - все это требовало сил и времени. "Старики" под руководством механиков из полковой мастерской проводили профилактический ремонт. Разбирали, чистили и смазывали детали машин. Мы работали вместе с ними (подай, принеси, отнеси) уставали и хронически недосыпали из-за ночных нарядов.

В часы изучения Устава и на политзанятиях трудно бороться с дремотой. Мы сидели на скамейках вместе со "стариками". Они ехидно наблюдали за нами, и когда, не справившись с дремотой, кто-нибудь клевал носом, добрый "старик" подставлял кулак. Удар носом об кулак пробуждал ментально. Задремавший вздрагивал, вскидывал голову и недоуменно тарашил глаза. "Старики" беззвучно тряслись от смеха.

В танке электрические сети были однопроводные. Минусовый провод замыкался на стальную массу танка. Засыпание на политзанятиях называлось "замкнуть на массу". "Замыкались" мы не только на теоретических занятиях. Случалось спать на ходу.

"Старики" относились к новобранцам снисходительно, любили подшутить над нами, но не обижали. Бывало, при разборке машины скажут молодому помощнику: "Сходи в мастерскую, принеси кливенс". Посланный спрашивает у кладовщика "кливенс". Раздается общий хохот, потому что кливенс - это расстояние между землей и днищем танка.

Новобранцы не оставались в долгу. Образованные городские парни не суеверны. Читали и знали много страшных историй в духе гоголевского "Вия". Любили попугать такими рассказами деревенских "стариков". По весне на крыше клуны поселился филин. Крики его многих пугали. "Не к добру, ох, не к добру кричит, окаянный!" Несуеверные еще больше подливали масла в огонь, рассказывали байки о несчастиях, накликанных филинами. Взвинченный такими рассказами "старик", башенный стрелок, стоя на посту в танковом парке, выстрелил в кричащую птицу. Попал не в нее, а на гауптвахту.

Весной комиссия - замполит, командир эскадрона и политрук - проверила знания молодых мехводо- в и решила, что мы готовы к началу занятий по вождению танка. Я усиленно занимался, догнал группу и знал устройство танка не хуже других. Проверили нас на тренажере.

К боевым машинам относились бережно. В каждом эскадроне были учебные машины, которые эксплуатировались повседневно. На них отрабатывали учебные задания на танкодроме и стреляли на артополигоне. Новобранцы пока были лишь зрителями на этих занятиях. Теперь предстояло стать активными участниками.

На вождение каждому ученику отводилось по десять минут. Занятия проводились три раза в неделю.

Первый учебный выезд на танкодром. Обучал вождению командир взвода. Он сидел внизу за рычагами, а мы взобрались на броню. Держались за дугообразную антенну, опоясывающую башню. Под учебную отдана старая командирская машина. Лейтенант вел танк лихо. Машина подпрыгивала на ухабах. Тяжелый стальной корпус прикреплен к ходовой части на подвесках, амортизаторах. Нас качало, как на морских волнах, надо было крепко держаться за антенну, чтобы не слететь с брони.

В оврагах еще лежал потемневший, пропитанный влагой снег, но на ровной площадке у въезда на полигон было сухо. Инструктор остановил машину, мы спрыгнули на землю и выстроились в одну шеренгу. Лейтенант скомандовал:

- Первый, в машину! - И засекаю время. Десять минут - это совсем немного.

Моя очередь. Торопливо нырнул в открытый люк, уселся в кресло водителя. У учебного танка было два водительских кресла. На переднем сидел ученик, а на заднем - инструктор. Все педали и рычаги соединены стальными тягами. Инструктор контролировал каждое движение ученика. Поступил приказ: "Заводи!" Выжал ногой педаль сцепления, другой дал газ. Мотор взревел.

- Легче жми на газ, - крикнул мне в ухо лейтенант.

Включил первую скорость, отпустил педаль сцепления. Рывок. Машина "клюнула носом". Мотор заглох.

- Не рви! - кричит инструктор. - Плавно нажимай и отпускай педали.

В танке все вроде бы такое же, как на тренажере. Там я, кажется, отработал и отшлифовал каждое движение. В настоящей машине все так, да не так. Ощущения иные. Нервы напряжены. Руки и ноги дергаются, и танк дергается.

Снова завел. Даже дрожь по телу прошла от желания не допустить ошибки. И опять мотор заглох. Минуты, отведенные на вождение, летят неумолимо.

С третьего раза тронулся. Немного разогнался и переключил на вторую скорость.

- Левый поворот, - скомандовал инструктор.

Мотор оглушительно заревел. Корпус загромыхал огромной массой стали. Все грохотало и дрожало вокруг меня. Внутри меня тоже дрожь. Левый поворот получился плохо. Правый чуть получше.

- Еще правый. Выводи на прямую.

Рычаги плохо слушались моих рук. Подъехали к исходному месту. Время кончилось, а я в азарте. Хотелось водить еще и еще, привыкнуть к машине, овладеть ею, заставить ее подчиниться, слиться

с ней, понимать и чувствовать ее. До следующего урока двое суток - целая вечность. Так пробудился интерес к военной службе. Она уже не казалась такой унылой и безрадостной, хотя, как и все новобранцы, я продолжал считать дни до демобилизации.

Апрель уже покрыл леса и склоны холмов сочной зеленью. Цвели сады. У нас прибавилось работы. Расчищали площадку у северной стены клуни. Грузовики привозили песок, мы рассыпали и ровняли его. Готовили летнюю стоянку боевых машин, отзимовавших в огромной риге.

По приказу маршала Тимошенко вводились "наркомовские дни". Два раза в неделю кухня не готовила нам пищу. Выдавали сухой паек: брикеты пшенной или перловой каши на завтрак и ужин, пакет горохового концентрата на обед, шестьсот граммов сухарей вместо хлеба, вяленую или копченую воблу и колбасу. Красноармейцы собирали в кустах валежник, разводили костры и варили кашу. Маршал хотел, чтобы бойцы научились сами себе готовить - это пригодится во время войны. Представлял ли он себе, как бы это происходило в бою? Что бы получилось, если бы бойцы, оставив боевые позиции, пошли в кусты разводить костры и варить концентраты. Ребята из группы мехводов тайком меж собой называли маршала скупым рыцарем.

Нарком усиленно экономил средства, ассигнованные на обучение. Нелепой была экономия боеприпасов. Учебные стрельбы проводились редко. Боевыми патронами из карабинов мы стреляли лишь однажды. Пушечные стрельбы на артиллерийском полигоне заменялись стрельбами из спаренного пулемета с близких дистанций. Огневая подготовка танкистов проводилась крайне вяло.

6

Первому танковому эскадрону предстояло идти в Волковыск для участия в первомайском параде. Подготовка к параду задерживалась. В конце концов, участие танков в параде отменили. Задерживался и выход полка в летний лагерь.

Второго мая к нам приехали танкисты из танковой бригады, расположенной в Свислочи. Затем они нас пригласили к себе. Бригада имела на вооружении двухбашенные танки Т-28, безнадежно устаревшие, непригодные к современным боевым действиям. Ждали перевооружения. Один новый танк уже поступил и стоял под брезентом в танковом парке. Его охраняли двое часовых, так как танк был засекречен. Нам его показали лишь издали. Рядовых бригады тоже близко не подпускали к этой машине. Надо полагать, это была "тридцать четверка".

Четырнадцатого мая пришел озадачивший всех приказ - поставить боевые машины на консервацию. Из танков сливали бензин и антифриз, сдавали на склад обязательный боекомплект, неприкосновенный запас (НЗ). Снимали и сдавали на склад пулеметы, забивали стволы орудий пушечным салом. Чтобы удалить его и привести оружие в боевую готовность, требовалось не менее четырех часов. Привезли бревна. Мы распиливали их на колобашки равной величины. На них устанавливали поднятые домкратами машины, чтобы гусеницы не касались земли, не ржавели. Траки покрывали отработанным машинным маслом.

Бойцы недоумевали. Зачем это? Случись боевая тревога, мы не сможем вывести танки из парка. Ошеломляющая нелепость!

Проводились командирские стрельбы на артполигоне. Рядовые красноармейцы находились в оцеплении, перекрывали дороги и тропинки, ведущие к стрельбищу. Наряд в оцеплении - не служба, а отдых.

Меня вместе с Юрой Поповым отвезли к перекрестку дорог в километре от полигона. Наша задача - не пропускать в сторону стрельбища ни конных, ни пеших. Мы спали по очереди, накрыв лицо платками, защищаясь от солнца.

На дороге долго никого не было. Потом подошла женщина с заплечным мешком и корзиной в руке. Села неподалеку от нас. Затем подошли две девушки, хорошенькие и хорошо одетые. Сели возле женщины. Мы пытались с ними поговорить. Они были полячки, мало знали слов по-русски. Мы еще меньше знали по-польски. Общались больше жестами. Девушки вначале дичились, смущенно поглядывали на женщину, угрюмо молчавшую. Затем осмелели, увлеклись, пригласили нас вечером в клуб. Мы знали, что не сможем прийти. Увольнительных нам не давали.

Стрельбы кончились. За нами приехал командир взвода на нашем учебном танке. Танк лихо развернулся и остановился. Мы взобрались на броню, помахали девушкам руками, и они долго махали нам своими платочками, очарованные тем, какая могучая боевая машина пришла за нами. Мы почувствовали гордость за то, что мы танкисты и что это вызывает у жителей уважение к нам.

Вечером эскадрон заступил в наряд. В утренний рассветный час я "стоял" на посту в танковом парке, то есть ходил с карабином вдоль строя броневиков эскадрона управления. Цвета сирень, густо разросшаяся на развалинах старого замка. Пели соловьи, стараясь перешеголять друг друга. Особенно усердствовал ближний, на кусте сирени. Он привык к моим неторопливым шагам, не боялся, заливаясь ругательствами мною гоколенной трели. Как сладко он пел! Я зачарованно слушал его чистый сильный голос, вдыхал аромат сирени, испытывая безотчетную радость, казалось, уже забытое чувство. Рассветный час на посту самый трудный, обычно неудержимо тянет ко сну. Я наслаждался ароматом сирени и пением соловьев, и спать не хотелось. До чего же виртуозно и задумчиво высвистывали и выщелкивали они чистые, чарующие душу звуки. Дан же такой счастливый дар маленькой серенькой птичке!

А у большого филина голос мерзкий, тоскливый, пугающий. Как услышат его "старички", бранят, швыряют в него палки и камни. Зря кидают. Он не пугает, а предупреждает. Да нам было невдомек, какая страшная беда надвигалась и вот-вот должна была разразиться. Знали только вещая птица и Сталин в Кремле.

Крики филина испортили мне настроение. Постепенно радость сменилась тревогой, ожиданием какого-нибудь несчастья. И точно. На следующий день во время занятий по строевой подготовке из штаба полка пришел посыльный и сказал что-то старшине. Тот подозвал меня.

- Иди в штаб. Вызывают.

С чего бы? Ничего хорошего от такого вызова ждать не следовало.

В штабе полка я доложил дежурному. Тот, перекидывая лежащие перед ним в стопке бумаги, нашел мою фамилию, сказал:

- К помначштаба по кадрам. Третья дверь по коридору налево.

Меня к начальнику по кадрам, зачем? Недоброе предчувствие подгибает ноги в коленках. По пустякам к нему не вызывают. Уж не возвращают ли на батарею? Сердце сжимает зловещее предчувствие. Вошел, докладываю, что прибыл по вызову. Слова его как удары в мозг:

- Командование направляет тебя в Военное училище связи в Киев.

Я едва удержался, чтобы не рухнуть на колени. За что? Чем я виноват?!

- Это что же, на лейтенанта учиться? Что вы, какой из меня командир? Характер у меня не военный. Из меня и рядовой неважный, не чаю, как дослужить до демобилизации. Остаться на всю жизнь в армии?! Нет, не могу.

- Разговорчики! В армии нет слова "не могу", а только слово - "есть"!

- Не могу я! Нет, не поеду!
- Приказы не обсуждают!
- Поступление в училище - дело добровольное. Не имеете права заставлять.
- Не советую запираяться. Иди подумай. Два часа на размышление.

Возвращаюсь в эскадрон, ноги заплетаются, в мозгу буря, смятение, ералаш. Почему я такой несчастный? За что? Почему из двух десятков первооткрывателей меня одного выбрасывают из полка, направляют в училище? Я ведь старался, догнал начавших на два месяца раньше мехводов, хорошо сдал испытания на вождение танка. Дисциплинарных взысканий почти не было. Всего два наряда вне очереди получил. Почему решили избавиться от меня? Что теперь делать? Как быть?

Через два часа меня вызвал к себе секретарь комсомольской организации.

- Ты что это, вздумал не подчиняться приказу?
- Нет у меня командирских способностей. Какой из меня лейтенант? Не надо меня принуждать к тому, на что я не способен. Не хочу обманывать командование. Не следует тратить напрасно время на мое обучение. Не получится из меня лейтенант.
- Не юли! Ваньку не валяй! Знаешь метод "Не умеешь - научим, не хочешь - заставим"? Не поедешь, положишь комсомольский билет. Понимаешь, что это значит?

Как не понять. Исключенного из комсомола в институт не примут, на хорошую работу не возьмут. Позорное клеймо на всю жизнь.

- Иди оформляйся, - дал добрый совет секретарь.

Вышел из штаба и встретил сержанта Румянцев и рядового Пахтусова.

- Едешь с нами? - спросил Румянцев.
- Отказался.
- Чудило! Думаешь, можно отказаться? Не будь наивным. С начальством не спорят, начальству подчиняются.
- Иди, бери направление, - сказал Пахтусов.
- Да вы чего, ребята? На всю жизнь хотите остаться в армии?

- Выгоды ты своей не понимаешь, - сказал Румянцев. - Тебе ж по дфартило. Училище связи хоть и командное, а считай - техническое. Туда еще вступительные экзамены сдать нужно. В прошлом году меня посылали в танковое училище, сам напросился. Экзамен провалил, и меня обратно вернули. Тут приняли хорошо. Это в полк пришел приказ направить меня в училище. Приказ выполнили. Поступил или не поступил, полка это не касается. Вернули меня из училища, и никаких ни к кому претензий нет. А лезть на рожон, приказ не выполнять умный не станет. Так что смекай. Поедем в Киев, недельки две там покантуемся. Экзамены начнутся в середине, а то и в конце июля. В училище приезжают поступать не только красноармейцы, и пацаны после десятилетки поступают. До приема все живут в общей казарме. Жизнь там еще не уставная - вольница. Ни строевых, ни "пеши по-танковому". Можно втихаря в город улизнуть. Кормят хорошо, а уж компания - закачаешься! Парни со всего Союза собираются, острят, хохмят. Историй и анекдотов на всю жизнь наслушаешься. Потом экзамены, приемная комиссия, глядишь, месяца полтора пройдет. От полковой службы отдохнешь, Киев посмотришь. Время пройдет быстро. Понял?

Заманчиво. Да так ли будет, как рисует Румянцев. Однако другого выхода нет. Была не была, может, кривая вывезет.

Я взял направление у кадровика. Проездные документы оформлял писарь в финчасти. Я видел, что он неправильно написал мою фамилию в требовании на железнодорожный проезд, но ничего не сказал.

Утром 18 июня кинопередвижка, отправлявшаяся на вокзал за кинофильмами, отвезла нас в Малье Берестовицы. Поезд отправлялся вечером.

Перед отходом поезда кассир, оформляя билеты, заметил, что моя фамилия в требовании на проезд не совпадает с указанной в направлении в училище, и билета мне не выдал. Товарищи уехали, а я остался. Военный комендант отправил меня обратно в полк с предписанием вернуться на вокзал с выправленными документами.

В штаб полка прибыл в субботу 21 июня, после полудня. Там уже не было никого, кроме дежурного и часовых. По приказу из дивизии штабных работников отпустили на выходные. Странный приказ. Прежде подобных не было.

Дежурный велел прийти в понедельник утром, а пока отправил в эскадрон.

Старшина обругал меня, обозвал сачком и заверил, что видит меня насквозь, понимает мою хитрость и сожалеет, что не может меня наказать, поскольку я уезжаю. Велел к понедельнику подготовить учебную машину к выходу на стрельбы.

На мое место механика-водителя еще не назначили, появилась слабая надежда, что вдруг оставят в эскадроне, и я с радостью принялся за работу. Съездил на склад боеприпасов, на склад ГСМ, заправил машину горючим. Вернулся в парк, вымыл танк и поставил на место. В казарму вернулся за полночь и лег на свою койку. Личный состав эскадрона был в гарнизонном наряде. Только башенный стрелок моей машины спал, сменившись с дневальства.

Казалось, только я заснул, а уже будят: "Подъем! В ружье! Боевая тревога!"

Сменившийся башенный стрелок матерится: "Заразы, в выходной не дают поспать. Задолбали тревогами. Как воскресенье, так боевая тревога".

Я быстро оделся и выскочил из казармы. Зябко поежился от предрассветного холода. Подумал: "Не взять ли шинель?"

На востоке желтела полоса начинающегося рассвета.

На западе бесновалась гроза: полыхали молнии, озаряя небо яркими всполохами, гудел непрерывный гром. "Тревога не учебная", - смекнул я и забыл о шинели. Побежал в парк. Меня обогнали легковушка командира полка и штабной автобус.

В парке подбежал к своему танку, открыл люк и сел за рычаги. Машину подготовил хорошо, завелась сразу. Танк тронулся. У проходной меня остановил командир полка. Спросил, знаю ли я дорогу в штаб дивизии, и приказал:

- Отвезешь в Волковыск старшего лейтенанта. Аллюр три креста! - Что означало самую большую скорость.

Старший лейтенант Лукьяничик, командир эскадрона управления, забрался на танк, открыл верхний люк и сел в командирское кресло. Подоспел башенный стрелок, сел рядом с командиром. Танк

быстро скатился по наклонной дороге к костелу. У перекрестка дорог командир велел мне остановиться. Нагнулся к моему уху и спросил: "Дорогу через лес знаешь?"

От перекрестка до большой грейдерной дороги было километров пятьдесят, а через лес путь можно сократить километров на пятнадцать.

Я свернул на слабо накатанную проселочную дорогу, миновал поляну и стал подниматься к лесу по склону. Над лесом разгоралась полоса восхода, а внизу было еще темно. Шел с зажженными фарами.

Раздался все нарастающий гул, заглушающий шум танкового двигателя. Послышался вой - падали бомбы. В небе повисли на парашютах осветительные ракеты. С возвышенности было хорошо видно, что творилось в танковом парке нашего полка. Вспыхнул бензовоз, четко осветив падающие с колобашек танки. Падая, они сшибали соседние. Метались обескураженные танкисты, не знающие, что делать и как себя вести.

Над моей машиной с ревом пронесся самолет. По броне защелкало. Огненными нитями тянулись от самолета к земле следы трассирующих пуль. Я выключил фары. Самолет сбросил бомбу, которая разорвалась в стороне. Тем временем мы въехали в лес, где было совсем темно. Я снова зажег фары. Дорога петляла между деревьями. Танк болтало на ухабах, пришлось сбросить скорость.

В глазах кошмаром стояла картина разгрома нашего танкового полка. Какой негодяй отдал приказ поставить танки на консервацию?! Трагизм происшедшего ошеломил и оглушил меня, но еще не дошел до сознания. Мозг еще не осознал случившегося, и внешне я сохранял спокойствие, был занят управлением машиной на узкой, извилистой и ухабистой лесной дороге.

Мы выиграли в расстоянии, но потеряли во времени. Когда танк подошел к большаку, по нему двигалась танковая колонна. Июнь был жаркий и сухой. Грейдерная, грунтовая дорога покрыта пылью. Танки шли, окутанные густой пеленой пыли. Я заглушил мотор, но тут же услышал брань сидевшего надо мной командира.

Заметив разрыв в колонне, я быстро вырулил на большак и сразу очутился в облаке пыли. Большой люк был открыт. Закрыв его, пришлось смотреть в узкую щель, защищенную толстой прозрачной пластиной. Это сильно ухудшило и без того плохую видимость. Я задыхался от пыли, на которую у меня аллергия.

Минут десять мы шли в колонне, недоумевая, откуда она взялась и чьи это танки?

По грейдерной дороге выехали из леса к полю. Дальше дорога вела вдоль опушки. Ветер над полем сдувал пыль в сторону. И тут я увидел идущий впереди танк, на броне его был нарисован черный крест, обведенный белыми линиями. Я еще ничего не успел сообщить, а из башни моего танка уже раздалась три пушечных выстрела. Гусеницы шедшей впереди машины разорвались. Она резко развернулась и стала поперек дороги. Я обеими руками дернул на себя правый фракцион. Танк успел развернуться, чиркнув гусеницей по колесам подбитой машины, влетел в кювет, клюнул носом и заглох. Я распахнул люк. Танк сильно содрогнулся от влетевшего в него вражеского снаряда. На спину мне грузно навалился командир и вылетел из люка. Второй толчок помог и мне выскочить вслед за командиром. Наш танк уже горел. Пылала и подбитая старшим лейтенантом вражеская машина. Башенный стрелок из танка так и не выбрался.

Командир мчался во всю прыгь, виляя между деревьями. Я следовал за ним. Застрочили пулеметы. Пули щелкали по стволам деревьев. Огненные трассы струились то справа, то слева от меня, подгоняя, заставляли бежать быстрее и быстрее.

Мы по диагонали пересекли опушку и оказались в густых зарослях подлеска. Залегли отдышаться и оглядеться. Раздвинув кусты, увидели грузовики с вражеской пехотой. На проложенных от борта к

борту досках сидели рядами, опираясь на винтовки, немецкие стрелки в серо-зеленых мундирах и в железных касках. Автомашины стояли у обочины, пропуская двигавшиеся по большаку танки.

На противоположном конце поля показалась наша конница. Кавалеристы рассыпались в лаву, обнажили и занесли над головами шашки. Клинки засверкали в красных лучах восходящего солнца. Они казались обгаженными кровью. Впереди мчался комдив, за ним - знаменосец с трепещущим на ветру знаменем.

Немцы попрыгали из грузовиков на землю, залегли в кюветах, установили пулеметы и открыли шквальный огонь. Вражеские танки тоже заметили наших конников, свернули с большака и, стреляя шрапнелью из орудий, ударили с фланга. Через десять минут все кончилось. В высокой ржи метались раненые кони и дико ржали. Кричали раненые красноармейцы. Нескольким счастливым всадникам удалось проскочить в лес мимо немецких автомашин.

Немецкие танки вернулись на большак, выстроились в колонну и пошли на восток, а за ними двинулась и мотопехота.